

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

THE INTERNATIONAL

NOW - HERE

ВЫПУСК №4 АПРЕЛЬ 2004

ГАЗЕТА НОВОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ "ЧТО ДЕЛАТЬ?"

ISSUE №4 APRIL 2004

NEWSPAPER OF THE ENGAGED CREATIVE PLATFORM "WHAT IS TO BE DONE?"

анкета questionnaire

БАРТ ДЭ БАЭР BART DE BAER КОНСТАНТИН БОХОРОВ KONSTANTIN
BOCHOROV ИЛЬЯ БУДРАЙСКИС ILYA BUDRAISKIS ДМИТРИЙ БУЛАТОВ
DMITRY BULATOV ПЕТР БЫСТРОВ PYOTR BYSTROV ДМИТРИЙ ГУТОВ
DMITRY GUTOV ОЛЕГ КИРЕЕВ OLEG KIREEV ВИКТОР МАЗИН VICTOR
MAZIN ВИКТОР МИЗИАНО VICTOR MISIANO СИНА НАЙАФИ SINA
NAJAFI ДЖОН ПЕТЕР НИЛССОН JOHN PETER NILSSON АНАТОЛИЙ
ОСМОЛОВСКИЙ ANATOLY OSMOLOVSKY ЕЛЕНА ПЕТРОВСКАЯ ELENA
PETROVSKAYA ГИЯ РИГВАВА GUIA RIGVAVA ВЛАДИМИР САЛЬНИКОВ
VLADIMIR SALNIKOV ОЛЕСЯ ТУРКИНА OLESYA TURKINA

“Выше знамя коммунистического Интернационала!” – те, кто вырос в Советском Союзе, помнят этот набивший оскомину призыв. Имеет ли он ещё хоть какое-то значение сегодня?

Новая ситуация очерчена скорее поэтическим описанием противостояния “множества” и Империи, или же бодрым лакановским ленинизмом из Словении. Подобная радикализация мысли отлично подогревает узкий круг международных активистов, но быстро выдыхается, столкнувшись с новыми уродливыми проявлениями фундаментализма и неоконсерватизма.

Коммунистический Интернационал возник в ответ на экспансию капитала, обретшего транс-национальный размах. Этой экспансии, захвату новых рынков и территорий он противопоставил солидарность угнетенных, призыв к созданию новой земли и нового народа. Таким образом, Интернационал подорвал бытовавшие представления о традиционных сообществах и стратегиях сопротивления. Он создал ситуацию, в которой надвременный и наднациональный мессианский призыв обрел материальное воплощение в практике конкретной солидарности. Это универсальное, всемирно-историческое движение заложило совершенно иные, прямо противоположные интересам корпораций и капитала, основы для преодоления национальных ограничений.

Насколько важно в сегодняшней ситуации заново апеллировать к коммунистическим истокам глобализации?

Барт дэ Баер, Антверпен

По-моему, главное – понимать это, и это неизбежно, поскольку они (ком. истоки интернационала) сохраняются в качестве потенциала. Они способны привести к критическому осознанию, к возможности мыслить будущее. Что мне также представляется важным, так это истоки коммунистических истоков, тот клубок, из которого тянутся эти нити, образуя не изолированный образ, а множественность.

Виктор Мазин, Петербург

Важно обращаться к различным истокам глобализации. “Романтическая” безграничность капитализации, на мой взгляд, сыграла куда большее значение в глобализации, чем коммунистический манифест. Несмотря на действительную историческую связь Интернационала и транснациональных корпораций, они принадлежат различным порядкам. Не стоит смешивать экономический порядок с политической программой. Тем более в ситуации, когда программа оказалась дискредитированной, а экономический режим в ситуации, так сказать, зеленого идеологического света. Радикализация же мысли не должна выдыхаться, но и не должна пребывать в утопии своей действенности в сопротивлении государственным идеологическим аппаратам. На мой взгляд, важна автономная поли-этическая позиция, а не желание повлиять на миллионы, симметричное желанию правящих бюрократов, обслуживающих транснациональный капитал.

Илья Будрайскис, Москва

Коммунистический интернационал возник в то же время как продукт развития всей предыдущей практики движения освобождения. Идея солидарности, “всемирности” от романтики французской революции и утопических конструкций Сен-Симона - обрела в Манифесте 1848 года значимость главного условия победы. Возникновение ленинского Коминтерна также соединяло в себе качественное развитие предшествующей социал-демократической традиции пролетарской организации и классовой политики и в то же время разрыв с этим наследием во имя “партии мировой революции”. Мне кажется, сегодня необходимо на новом историческом этапе сформулировать и осмыслить ключевые моменты приемственности и разрыва на пути к строительству нового интернационала. Это будет возможно лишь на основе как теоретической работы, так и, что более важно, анализа современного капитализма и текущей классовой борьбы.

Елена Петровская, Москва

Я не думаю, что конкретно-историческая форма интернациональной солидарности может быть возрождена в коренным образом изменившихся условиях. Это, как и нынешний капитализм в России. Если на него накладывать привычную понятийную сетку, в том числе марксистскую, мы мало поймем из того, в чем особенность сложившейся здесь ситуации.

Гия Ригвава, Штутгарт-Москва

Я бы скорее выступил за непрерывность. Капитализм столь уродлив, что ни одна капля критики не должна пропасть зря. Но не может быть вечных форм стратегии. Интернационал был в одно время очень привлекательным и многообещающим стратегическим направлением, поскольку были очевидны границы национальных государств. Эти государства вели себя похожим образом во внутренних делах, и поэтому имело смысл координировать усилия по сопротивлению. Современный мир иной. Сегодня различие между богатыми и бедными внутри национальных государств не является более решающим. Мир разделен надвое: на места концентрации капитала и на места, где капитала нет (периферия). Граница между бедными и богатыми стала единой, всемирной. Интересы тех, у кого нет доступа к прибыли в местах концентрации капитала и тех бедных, кто живет в местах, где капитала нет, различаются между собой. Так что границы национальных государств не должны служить границей деятельности. Сегодня можно наблюдать организованные группы, выполняющие определенные действия в одной стране, и рассчитывающие на результаты в другой. Это можно назвать поли-национальным, если вообще опираться на понятие нации, а не сообщества.

Виктор Мизиано, Москва

Вопрос о коммунистическом и советском наследии является сегодня одним из ключевых. Провинциализация российского контекста связана с тем, что говорить с миром на языке марксизма-ленинизма было можно, а на языке риторики “возвращения в цивилизованную семью народов” и “былого величия России” - нет. Глобализационные процессы – в их современном понимании, действительно восходят к становлению капитализма и его экспансии в XIX веке, частью этих процессов действительно было коммунистическое и рабочее движение, марксистская теория действительно была как наиболее адекватной теорией описания этих процессов и одновременно наиболее авторитетной освободительной теорией. Именно причастность Советской России к коммунистическому проекту сделала ее в прошедшем веке одним из ключевых субъектов истории, находящимся в эпицентре мировых общественных процессов. Интеллектуальным поражением может быть признан факт, что наш мыслящий класс не смог предложить новое, адекватное времени понимание советского опыта: у нас либо воспроизводятся рожденная в эпоху холодной войны развенчательная риторика, либо эстетизированное стилизаторство некоторых внешних атрибутов или идеологием “советского” и “коммунистического”. Без обретения стереометрического – т.е. аналитического, критического и одновременно живого, отношения к этому прошлому мы не сможем выстроить свою современную идентичность и обрести свой голос в современном глобализированном диалоге.

Анатолий Осмоловский, Москва

Практически невозможно, так как основы подобной апелляции – коммунистического интернационала – не существует. Это, конечно, не отменяет того исторического факта, что именно западноевропейская социал-демократия была инициатором первого глобалистского проекта. В этом смысле третий интернационал (коммунистический) находился уже на спаде этого проекта и, как известно, был распущен Сталиным в 1943 году в обмен на создание второго фронта. В то же время, современная глобализация, преодолевающая национальные границы и имеющая в своей основе стремление к объединению рынков крайне опасна. Ей необходимо противопоставить не идеологию национальной исключительности (или локальности), что кажется очевидным ответом, а иную концепцию глобализации. К сожалению идеи классовой солидарности, защиты слабых, солидарной свободы не имеют сейчас массовой поддержки. Практически везде в явной как в России или в скрытой как в США форме властвует право силы. При этом интеллектуалы (и прежде всего в России), пользуются своей силой, не испытывая по этому поводу никаких “ложных” угрызений совести, они, таким образом, легитимируют право сильного вообще.

“Hold high the banner of the Communist International!” Anyone who grew up in the Soviet Union remembers this call, repeated ad nauseam. Does this call mean anything at all today?

Today’s situation is usually sketched out in poetic descriptions of the opposition “multitudes vs. Empire” or even in gleeful Lacanian Leninism from Slovenia. While such intellectual radicalizations may briefly inflame narrow circles of international activists, such local flash-fires are quickly snuffed out, as neo-conservatism and fundamentalism make their explosive appearance. In this sense, the legacy of the Marxian International – though still appealing and even sexy – seems compromised. Historically, it was a response to the global expansion of capitalism and its seizure of new market territories. Its answer: solidarity between the disenfranchised, be they workers, peasants, or intellectuals, regardless of ethnic, religious, or national location. As such, the International dislocates traditional conceptions of community and resistance. Both *now/here* and *no/where*, its utopia is clearly messianic but at the same time – as a philosophy of practical solidarity – it demands tangible results. One of these results is the current process of globalization, which actually rests upon universal movements like the International. This movement is in danger of being forgotten.

How important is it to appeal to the Communist roots of globalization today?

Bart de Baer, Antwerp

It seems crucial to understand these, and it will be unavoidable, since they remain to be as a potentiality. They may lead to a critical awareness, a possibility to think the future. What seems important to me too is the roots of the Communist roots, the strands of thinking it comes forth from, so that it doesn’t become an isolated image but a multiplicity.

Viktor Mazin, Petersburg

It is important to address a variety of globalization’s roots. In my opinion, the “romantic” boundlessness of capitalization played a far greater role in globalization than the Communist Manifesto. Notwithstanding the tangible historical connection between the International and the transnational corporations, they actually belong to different orders. It is not advisable to mix up an economic order with a political program, all the more since the political program has been discredited, while one might say that the economic order has been given the “green light” in terms of ideology. Any radicalization should not have the effect of eroding this thought, but should also not tarry in the utopia of its activity of resisting the state’s ideological apparatus. In my view, it is important to develop a poly-ethical position rather than the desire to influence a multitude of millions, in symmetry to the desires of the controlling bureaucrats, who serve the transnational corporations.

Victor Misiano, Moscow

How to cope with the Communist and Soviet legacies is one of the key questions of today. The provincialization of the Russian context is connected to the following: while it is possible to speak to the world through the language of Marxism-Leninism, it is impossible to communicate with the world in rhetoric that promises “the return to the civilized family of nations” or extols “the former greatness of Russia”. Indeed, globalization-processes in the contemporary sense did actually arise during the expansion of capitalism during the 19th century, and the Communist worker’s movement really was a part of these processes. By the same token, Marxian theory was really the most adequate theory for describing these processes; it also represented the most authoritative theory for emancipation. It was Soviet Russia’s participation in the Communist project that made her one of the preceding century’s key subjects of history, located in the epicenter of the world’s social processes. Our “thinking class” has not yet been able to suggest a new understanding of the Soviet experience, adequate to the present: one can see this as an intellectual defeat. We either reproduce the birth of the rhetoric of exposure or dethroning from the Cold War, or undertake the aesthetic styling of several external attributes or ideologemes of “Soviet culture” or “Communism”. If we fail to gain a stereoscopic view – both analytical or critical and animate or alive – we will not be able to build our contemporary identity, finding our voice in the contemporary dialogue of globalization.

Ilya Budraiksis, Moscow

The Communist International came about as a product of all previous practices of emancipatory movements. Coming a long way from the romanticism of the French Revolution and the utopian constructions of Saint-Simon, the Manifesto of 1848 crystallizes the idea that solidarity and “globality” are the main conditions for victory. Much in the same way, the Leninist Comintern was a synthesis of the qualitative development of the Social Democratic tradition and its proletarian organization, its class politics, but it also broke with these traditions radically in the name of the “Party of World Revolution”. It seems to me that as we pass into a new historical situation, it becomes necessary to formulate and make sense of the key moments of continuity and discontinuity, if we are to build a new international. This will only be possible through theoretical work, but even more importantly, through the analysis of contemporary capitalism and the ongoing class struggle.

Elena Petrovskaya, Moscow

I do not think that the concrete, historical form of international solidarity can be revived in a situation whose conditions have changed so fundamentally. The same goes for what is known as capitalism in contemporary Russia. If we superimpose any conventional raster – even a Marxian one – we understand very little of what actually makes up the uniqueness of the situation as it has come about here.

Guia Rigvava, Stuttgart-Moscow

I’d rather argue for continuity. Capitalism is so ugly that no single drop of criticism can be too little. However, no strategic form can be eternal. At the time, the International was a very attractive and promising strategic direction since the connections between national states were evident. [The worker’s movements] were acting in similar ways within their own countries and it made sense to co-ordinate action internationally. The contemporary global world is different. Today, the division between the rich and poor within national states are no longer decisive. The whole world is divided into two: the places where capital is concentrated (the centers) and the places where there is no capital (the peripheries). There is a difference of interest between those who have no access to profit in the places where capital is concentrated and those poor in places where there is no capital. Furthermore, these latter places of no capital are highly differentiated. Still, the borders of the nation state cannot limit the field of action. Nowadays, one can already observe organized groups doing things elsewhere, in this or that region, pursuing particular aims and outcomes in completely other places. This looks more poly-national, if one still prefers to stick to a notion of nation rather than community.

Anatoly Osmolovsky, Moscow

An appeal to Communist roots of globalization is practically impossible, since the grounds for such an appeal – the Communist International – do not in fact exist. Naturally, this does not change the following historical fact: Western European Social Democracy initiated the first global project. The Third (Communist) International was formed as this project was already in a state of decline; as we know, Stalin disbanded it in 1943 in favor of opening a second front. At the same time, contemporary globalization – overcoming national boundaries and striving to unify all markets – is a great danger. It is necessary to withstand this process, not through the obvious return to an ideology of national exclusion (or locality), but through some alternative view of globalization. Regrettably, the ideas of class solidarity in defense of the weak or solidarity as freedom do not enjoy any support from the masses. The right of force rules almost everywhere, be it in Russia openly or more secretly in the USA. Intellectuals (most of all in Russia) use their own force without feeling any “false” pangs of conscience; in this way, they legitimize the right of the stronger overall.

John Peter Nilsson, Stockholm

One shouldn't forget that communism had an imperialistic approach. The vision was a united world – under the same banner. On the other hand, globalization today also has a totalitarian vision. The question is if communism can make us see the shortcomings of capitalistic globalization in the same way as globalization can make us see the dogmatism of communism? I think one can use a Marxist model to understand the possibilities and problems of today's globalization. But to fully understand it, one also needs a post-colonial appeal, including the former Soviet empire itself.

In our globalized world, labor and production have become more separated from where the actual consumption is taken place, something that has created an intricate and complicated relation between national states and multinational companies. Communism's vision to give the means of production to the workers is very problematic in such a global reality, since the production chain is divided into a complex situation of different economical, political, ideological, cultural, religious local parts. Communist revolution might be of importance in local situations, but it has to give up its practical politics in a global sense.

Olesya Turkina, Petersburg

Communism and globalism are two myths, one of which died before our very eyes as the other was born. It is not so important to search for the new myth's roots in the old; instead, we need to develop a critical relationship to generalization, to the way the socio-economic order breaks into cultural praxis.

Oleg Kireev, Moscow

It is enough to skim through the cross-referenced links on the IndyMedia list to understand the force and size of international solidarity. If capitalism is global, then resistance is international. On the other hand, we Russians have been excluded from this intellectual laboratory and its inspiring activity.

... We have yet to understand the meaning and content of Soviet Internationalism – we are all living on its shards. To global/international humanity, the defeat of the Soviet state became a wound or trauma, which continues to obscure its view of its own past. This can be compared to a blind spot in the field of vision. Please note that I am not saying that the society of the future should be built upon a Soviet model. However, first, we need to consider the Soviet experience. Personally, I think that it is a great historical challenge that we all face – namely, to understand, focus and examine this experience, in order to bring some clarity to the matter. Why did the Soviet empire crumble and fall? The answer is important for them as well as us. This is the local context, which we need to connect to the context of globality.

Konstantin Bochorov, Moscow

It seems to me that the question is not quite correct. Globalism is an objective state in capitalism's development, which by now has extended its interests to all portions of the globe. This process does not have any Communist roots. One might say that it makes sense to know the situation of globalization as the Communist Manifesto describes it, but only as the first chapter of something that is still going on today.

Dmitry Bulatov, Kaliningrad

For me, the appeal to such roots is not important. Instead, I see a number of principles, one of which consists in a serious reconfiguration of all relationship-systems, a change that has taken place within the last years. We have long since passed the transnational stage of capitalism's expansion, the stage that influenced the birth of the Communist Manifesto. In examining all of the contemporary system's components, it is impossible to find anything that corresponds to the historical conditions of the Communist International and its functioning. Since the multi-national model of capitalism is being replaced with its virtual variant, the strategy of conquering new markets and subjugating Third World countries has been exchanged for the subjugation of consciousness. The ideology of "the alien other (i.e. of foreign birth)" has passed the stage of "knowledge as the other". Now, it is in the process of becoming "biology as the other" before our very eyes. ... Today, the idea of the commune as such is not important. The only thing that plays a crucial role is individual choice as the only basis and only real criterion of its activity... On the other hand, I don't understand why is it necessary to keep raising the brilliant dead, even if their ideas had a powerful impact. Obviously, any relatively complex system of axioms will eventually generate a question that its axioms cannot answer. For this reason, I see no reason for reanimating the International in its Communist essence. But to set some kind of marker nevertheless, I find more and more reason to call today's phase the Rhizomatic International, a phenomenon whose ideological and technological characteristics are adequate to our time.

Vladimir Salnikov, Moscow

As the 1990s have shown, the essence of the contemporary situation is that capitalism is not able to cope with globalization. At the beginning of a new decade, very little has changed in this regard. Capitalism cannot cope with globalization, because it (i.e. globalization) does not originate in reason, but in political partitioning and greed. Only Communism, in its appeal to reason, can fulfill true globalization in the interest of all nations.

Олеся Туркина, Петербург

Коммунистическое и глобальное – два мифа, один из которых на наших глазах умер, а другой родился. Представляется важным не поиски истоков нового мифа в старом, а критическое отношение к генерализации, к тому, как социально-экономический порядок вторгается в культурную практику.

Джон Петер Нилссон, Стокгольм

Не стоит забывать, что коммунизм был империалистским в своих притязаниях. Он видел мир объединенным под одним знаменем. С другой стороны, глобализация сегодня тоже тоталитарна в своем видении мира. Вопрос в том, может ли коммунизм помочь нам увидеть недостатки капиталистической глобализации в той же мере, как глобализм помог нам увидеть догматизм коммунизма? Я полагаю, марксистскую модель можно использовать, чтобы понять возможности и проблемы сегодняшней глобализации. Но чтобы понять их до конца, необходим также пост-колониальный подход, включая опыт самой бывшей Советской империи. В нашем глобализированном мире труд и производство оказались географически в большей степени отделены от потребления, что сделало отношения между национальными государствами и мультинациональными компаниями более запутанными и сложными. Коммунистическая мечта передать средства производства рабочим крайне проблематична в такой глобальной реальности, поскольку производственная цепочка разделена и проходит через разные экономические, политические, идеологические, культурные, религиозные локальные участки. Коммунистическая революция может сыграть важную роль в локальных ситуациях, но в глобальном смысле ее практическая политика отжила свое.

Олег Киреев, Москва

Достаточно пробежаться один раз по перекрестным ссылкам листов IndyMedia, чтобы понять размах сегодняшней международной солидарности. Если капитализм – глобален, то сопротивление – интернационально. Другое дело, что мы, русские, исключены из этой лаборатории мысли и вдохновляющей активности.

... Мы еще поймем смысл и содержание советского интернационализма – все мы живем на его осколках. Крушение советского государства стало для глобального/интернационального человечества той раной, или травмой, которая по-прежнему не позволяет ему прямо и ясно взглянуть на собственное прошлое. Это можно также сравнить со "слепым пятном" зрения. Прошу заметить, я не говорю, что общество будущего должно быть построено по модели СССР, – но что его опыт должен учитываться, прежде всего. Лично я считаю большой, исторической задачей – понять, прояснить и расследовать этот опыт, чтобы навести некую ясность. Почему пала Советская империя? Это важно и для них, и для нас. Вот локальный контекст, который нужно уяснить и привести в связь с мировым.

Константин Бохоров, Москва

Мне кажется, вопрос не вполне корректен. Глобализм – это объективное состояние развития капитализма, в интересы которого входит теперь весь земной шар. У этого процесса нет коммунистических истоков. Можно говорить, что ситуация глобализации предвосхищена в Коммунистическом манифесте, зная первую главу которого обязательно надо, чтобы относиться к тому, что происходит сегодня, осмысленно.

Дмитрий Булатов, Калининград

Для меня обращение к подобным истокам сегодня неважно. Тому я вижу несколько причин, одна из которых заключается в серьезном изменении всей конфигурации системы взаимоотношений, произошедшей за последние годы. Транснациональная стадия экспансии капитала, в свое время повлиявшая на зарождение Коммунистического Интернационала, давно пройдена. Если присмотреться ко всем составляющим этой системы, мы не найдем ничего, что соответствовало бы историческим условиям функционирования КИ. Так мультинациональная модель капитализма сменилась ее виртуальным вариантом, стратегии захвата новых рынков и покорения стран третьего мира изменились в сторону покорения сознания, а идеология "Чужеродного-как-Другого", пройдя стадию "Знания-как-Другого", на наших глазах оформляется в идею "Биологии-как-Другого". ... Коммуна как идея – сама по себе сейчас не важна, играет роль только решение и выбор индивидуума как единственное основание и вернейший критерий его деятельности... С другой стороны – мне непонятно, зачем бесконечно тревожить сиятельные трупы пусть когда-то и имеющих оглушительное воздействие идей? Известно, что со временем любая относительно комплексная система аксиом неизбежно порождает вопросы, на которые эти аксиомы ответить не могут. Таким образом, реанимировать Интернационал в его коммунистической эссенции не имеет, на мой взгляд, никакого смысла. Но если все таки проводить какую-то маркировку, я нахожу все больше оснований для определения нынешней стадии как Ризоматического Интернационала со всем комплексом идеологических и технологических характеристик, адекватных нашему времени.

Владимир Сальников, Москва

Суть проблемы современности в том, что капитализм не справился с глобализацией. это показали и 90-е годы, и начало новой декады. Капитализм и не может справиться с глобализацией, потому что он исходит не из разума, но из политического практицизма, корыстолюбия. И лишь коммунизм, опирающийся на разум, может осуществить глобализацию в интересах всех наций.

“The time is out of joint”: time is disarticulated, dislocated, dislodged, time is run down, on the run and run down, deranged, both out of order, and mad

“The time is out of joint.” Theatrical speech, Hamlet’s speech, Hamlet’s speech before the theater of the world, of history, and of politics. The age is off its hinges. Everything, beginning with time, seems out of kilter, unjust, dis-adjusted. The world is going very badly, it wears as it grows, as the Painter also says at the beginning of *Timon of Athens* (which is Marx’s play, is it not). For, this time, it is a painter’s speech, as if he were speaking of a spectacle or before a tableau: “How goes the world? It wears, sir, as it grows”.

The “New international” is not only that which is seeking a new international law through these crimes. It is a link of affinity, suffering, and hope, a still discreet, almost secret link, as it was around 1848, but more and more visible, we have more than one sign of it. It is an untimely link, without status, without title, and without name, barely public even if not clandestine, without contract, “out of joint”, without coordination, without party, without country, without national community (International before, across, and beyond any national determination), without co-citizenship, without common belonging to a class. The name of new International is given here to what calls to the friendship of an alliance without institution among those who, even if they no longer believe or never believed in the socialist-Marxist International, in the dictatorship of the proletariat, in the messiano-eschatological role of the universal union of the proletarians of all lands, continue to be inspired by at least one of the spirits of Marx or of Marxism (they now know that there is *more than one*) and in order to ally themselves, in a new, concrete, and real way, even if this alliance no longer takes the form of a party or of a workers’ international, but rather of a kind of counter-conjuration, in the (theoretical and practical) critique of the state of international law, the concepts of State and nation, and so forth: in order to renew this critique, and especially to radicalize it”.

**J. Derrida, “Specters of Marx.
The State of debt, the Work of
Mourning & the New
International”.**

Время вывихнуто: время расчленено, смещено, выселено, заброшено, изгнано, беспорядочно и безумно.

Время вывихнуто. Театральная речь, речь Гамлета, речь Гамлета перед театром мира, истории и политики. Век сорван с петель. Все, начиная со времени, неуклюже, несправедливо, неуместно. Мир плохо поживает, он изнашивается по мере того как растет – как это говорит Художник в начале “Тимона Афинского” (этой пьесы, принадлежащей Марксу, не правда ли?). На этот раз, говорит художник, как будто бы он находился перед сценой или перед полотном: “Как поживает мир? Он изнашивается, сэр, по мере того как растет”.

“Новый Интернационал” - это не только поиск международного права, которое противостояло бы всем преступлениям [современного мирового порядка]. Это связь сродства, страдания и надежды, скромная, почти тайная связь (какой она была и в 1848 году), но все более и более заметная – у нас есть уже несколько знаков этой связи. Это несвоевременная связь, без статуса, без титула и без имени, почти совсем не публичная, если вообще не подпольная, без контракта, “вывихнутая”, без координации, без партии, без страны, без национального сообщества (Интернационал до и по ту сторону всякой национальной детерминации), без со-гражданства, без принадлежности общему классу. Имя нового Интернационала дается здесь зову к дружбе, к союзу без институций, между теми, кто - даже если они больше не верят или никогда не верили в социалистический марксистский интернационал, в диктатуру пролетариата, в мессианско-эсхатологическую роль пролетариев всех стран – по-прежнему вдохновлен, по меньшей мере, одним из призраков Маркса или марксизма (они знают теперь, что их больше одного). Эти люди объединяются в новый Интернационал, чтобы вступить в новый, конкретный и действительный союз, даже если этот союз не принимает больше формы партии или рабочего интернационала, но есть скорее противозаклинание, теоретическая и практическая критика государства международного права, понятий государства и нации, они вступают в новый союз, чтобы возобновить и радикализировать эту критику.

Ж. Деррида, “Призраки Маркса. Государство долга, работа траура и новый Интернационал”.

Пафос интернациональной солидарности был ключевым компонентом для многих модернистских движений: Dadaism, Футуризм, Fluxus, Ситуационистский Интернационал и пр. Все они делали акцент на том, что мы живем в едином мире, в котором политические границы государств не играют роли в процессах творческого развития личности.

Система современного искусства, несмотря на свои декларации, далека от идеалов интернационализма и солидарности – художники коррумпируются идеологией “big events”, институционального успеха и жесткими формами конкурентной борьбы, диктующими свои законы и нейтрализующими любые прогрессивные замыслы.

Какие возможности вы видите для дальнейшей демократизации мира искусства, которая бы смогла подорвать устоявшиеся рамки эксклюзивности глобальной репрезентации?

Илья Будрайскис, Москва

Будущее современного искусства, его стратегии и формы связаны с изменениями общественного контекста. Мне кажется, не обоснованно предъявлять претензии, пусть и справедливые, лишь к цинизму и коррумпированности арт-системы, отношения которой обусловлены капитализмом в целом. Рост массового движения, актуализация интернациональной солидарности перед лицом неолиберального наступления способно придать иное значение фигуре художника.

Виктор Мазин, Петербург

Подозрение к устоявшимся рамкам. Недоверие рамкам вообще. Можно посвятить жизнь стремлению вписаться в рамки уже существующего, а можно созданию своих рамок. Причем, когда эти рамки начинают превращаться в стены институции, выходить за их пределы. Когда творческая программа исчерпывается, она бюрократизируется. Это и есть тот момент, когда нужно уходить. Это и есть странно вопрос и психического состояния – вопрос близкого психотического, состояния навязчивой репрезентации, к которому ведет рыночное производство художественного товара. Это вопрос несовместимости, или, по крайней мере, несоизмеримости творчества и институциализации. Опять же речь идет не о всеобщей политической программе некоего художественного интернационала, а о частном внутреннем сопротивлении. Я бы говорил не о демократизации искусства, а о его деиерархизации, дебюрократизации и декапитализации.

Елена Петровская, Москва

Возможность демократизации искусства заложена в самом искусстве. Мы живем в такое время, когда происходит переопределение самого этого понятия. Хотя искусство и славно тем, что оно всегда ставит под вопрос устоявшиеся конвенции – художественные, институциональные. Возьму на себя смелость сказать, что художник сегодня – частное лицо, реализующее свой индивидуальный проект, проект, который, может быть, и не предназначен к неперемому показу. Но если в этой своей деятельности художник отражает или выражает эмоциональную доминанту своих современников, если он наделяет языком, а вернее, образной достоверностью то, что существует лишь в предсемантической открытости совместно проживаемого времени, тогда он не только верен своему сообществу, но и дает ему возможность проявиться. ...Конечно, рынок стремится присвоить даже такое “частное” усилие, наделить его ценностью, противопоставив тем самым “общине”. Но художник и существует там, где он противится этому закабалению, этому переводу на язык большого искусства. Даже когда его выставляют повсеместно и превращают в символ эпохи или страны. Если это масштабный художник, повторяю, то и в этом случае, даже повешенные на музейные стены или выставленные в специальных залах, его работы будут поражать какой-то бессмысленностью или неуместностью в отношении навязываемого контекста.

Дмитрий Булатов, Калининград

Условием для развития и сохранения любого процесса является физическое разделение с одновременным повышением полевого единства – я так бы охарактеризовал ризоматическую сущность существования любого сообщества, будь то художники, активисты и т.д. Заметьте – речь не идет о солидарности как константной величине – для сообщества каждый раз возникает та или иная мотивация, которая заставляет это сообщество изменять вектор своего развития. При этом в ряду мотиваций идеология “больших событий” или институциональный успех, на мой взгляд, не носит определяющего характера. Одним из свойств Ризоматического Интернационала я бы назвал его способность к состоянию самоорганизованной критичности. Именно большое количество относительно небольших сообществ способно подорвать эксклюзивность глобальной репрезентации. Технологическая ретрайбализация – постепенное оформление сообществ в племенное состояние с одновременным повышением технологической составляющей – вот вариант демократизации мира искусства в сегодняшних условиях. При этом повышение технологического уровня сообщества (сообществ) – едва ли не важнейшее требование времени, без которого любой прогрессивный замысел неизбежно превратится в ярмарочный вариант декоративно-прикладной идиотии.

Петр Быстров, Москва

Глобализации, как общемировому процессу, не в меньшей мере свойственна риторика “демократизма” и “интернационализма”. Чей “интернационализм”? Чья “солидарность”? Все это крайне важно понимать, потому что не существует абстрактных “коммуникации”, “единения”, “братства”. Крупным корпорациям и бизнес-проектам равно присущ пафос “солидарности”, “равенства возможностей” и т.п.

И формулировка вопроса в данном виде, не предполагает выработку адекватного решения проблемы. Я не согласен с постановкой. Глобальную репрезентацию невозможно победить, потому что всегда будут миллионы тех, кто наслаждается зрелищем в отчужденной форме. И простыми призывами к “демократизации” тут ничего не изменить. Демократизация мира искусства – это тенденция, которой нет. Я лично не согласен попросту с тем, что она - имеет место. Поэтому я не могу судить о ее “дальнейших перспективах”, как задано в вопросе.

Дмитрий Гутов, Москва

“Мир искусства”, такая же корпорация, как и другие корпорации. Ни о какой демократизации на этой территории не может идти речи.

Виктор Мизиано, Москва

Однако культ “big events” и порожден демократическими устремлениями современного искусства! Эксклюзивность – это и есть то, как демократическая масса понимает искусство! Было бы упрощением связывать с демократическими ценностями только те художественные явления – типа флюксуса и ситуационистского интернационала, которые проблематизируют художественное высказывание и ищут новые более демократические формы циркулирования искусства в обществе. Существуют художники – тот же Пикассо или Уорхол, которые, решая совершенно иные задачи, становились в обществе воплощением креативности, трансформировали массовые представления о визуальности. И это тоже общественная задача, и она также имеет отношение к демократии. В целом же за последние годы искусство и художественная система в целом стали несравненно более демократичными. Сложилась система непрофитных организаций, интеллектуальные дебаты стали естественной нормой художественных институций, незаинтересованное суждение экспертов и экспертных структур все более отодвигает авторитет галеристов и т.п.

The pathos of international solidarity was a key component for many a modernist movement, including Dadaism, Futurism, Fluxus, the Situationist International etc. Despite their aesthetic and practical divergences, they all accentuate the fact that we live on a common planet, where the political boundaries of nation-states do not play any role in defining the processes of the personality's creative development. Regardless of this internationalist tradition, the system of contemporary art is far from fulfilling the proclaimed ideals of internationalism and solidarity. Many artists and art-professionals have been corrupted by "big events", international success and trans-national competition. This dictatorial market neutralizes any and all progressive tendencies.

Which chances do you see for the ongoing democratization of art? Is it possible to break out of the framework of market hierarchy and exclusive global representation?

Ilya Budraiskis, Moscow

The future of contemporary art and its strategies and forms is connected to changing the social context. It seems to me that there are no grounds for singling out the art-system for its cynicism and corruption, even if such accusations may be just. After all, one can apply this form of interrelation to capitalism as a whole. As mass movements grow, updating international solidarity in the face of Neo-Liberalism's onslaught, they can supply new meanings to the figure of the artist.

Dmitri Bulatov, Kaliningrad

The growth and preservation of any process depends on physical differentiation. It also depends on a heightened unity of the field. This is how I would characterize the rhizomatic essence of any community's existence, no matter whether they are artists, activists etc. Note that we are not speaking of solidarity as a constant quality – the community faces each motivation as it arises, forcing the community to change its vector of development each and every time. However, the ideology of "big events" or institutional success does not play any decisive role, in my opinion. I would characterize one of the Rhizomatic International's attributes as the capacity for self-organized criticism. The combined effect of a multitude of small communities can break into the exclusiveness of global representation. Technological re-tribalization - the gradual reversion of communities into a tribal state, accompanied by a strong technological dominant – is our time's most important need. Without it, any progressive idea will inevitably become a decorative idiom, once it takes its place at a trade-fair.

Victor Mazin, Petersburg

Suspicion toward solid frameworks. Mistrust of frameworks on the whole. You can spend your life trying to adjust to the extant framework, but you can also strive to create a framework of your own. When this framework becomes a set of institutional walls, you break out of their bounds. When a creative program has been depleted and is being bureaucratized, you move on. As it happens, this is also a question of a certain psychic state, close to the question of psychosis, a state of compulsive representation, to which the market production of artistic products will lead. This is the question of the incompatibility or at least the incommensurability of creativity and institutionalization. Once again, we are not talking about a comprehensive political program of some artistic International, but about a form of inner resistance. I don't really want to talk about the democratization of art; I would rather speak of its de-hierarchizing, its de-bureaucratization, and its de-capitalization.

Elena Petrovskaya, Moscow

The possibilities for democratization are coded into art itself. Although art is excellent in that it calls all firm artistic or institutional conventions into question. I will take the liberty of saying that today's artist is a private person, realizing his individual project, a project which may indeed never be shown anywhere. But if the artist is able to reflect or express the emotional dominant of his-her contemporaries in the process of his activity, if he finds a language, or more accurately, an authenticity of images, there is only the pre-semantic openness of time experienced together. At this point, he is not only being faithful to his community, but is giving his-her community the chance to emerge. ...Of course, the market attempts to capture even such "private" efforts, dividing its value into shares. This runs contrary to the "community" from which it emerged. Yet the artist also exists in a place where he resists this subjugation, this translation into the language of "big" art, even if he is exhibited everywhere, becoming a symbol for his country or his epoch. If this artist has any real format, even if they hang him on museum walls or show him in special spaces, his works will resist by confronting the compulsory context with some kind of senseless or inappropriate non sequiter.

Pyotr Bystrov, Moscow

The rhetorics of "democratism" and "internationalism" are characteristic of the world-wide process of globalization. Whose "internationalism"? Whose "solidarity"? It is crucial to understand all of this, because there are no abstract "communications", "unifications", or "brotherhoods". The pathos of "solidarity" or of "equal opportunity" etc. are incidental to big corporations and business projects. And the way the question is formulated in its given form hardly allows for the development of any adequate solution. I don't agree with the way it is posed. It is impossible to conquer global representation, because there will always be millions of people who lick their fingers at a spectacle in its alienated form. A simple call for "democratization" will not change anything in that matter.

The democratization of the art world is a tendency that doesn't exist. I simply don't agree to the fact that it plays any role at all. For this reason, I have no means of making any judgment, insofar as the "chances for the ongoing democratization of art" are concerned.

Dmitri Gutov, Moscow

The "art world" is a corporation just like any other. It is impossible to speak of any democratization on its territory.

Viktor Misiano, Moscow

So the cult of "big events" is born from the democratic efforts of modern art? I beg to differ. Exclusiveness is actually how the democratic masses understand art! It would be a simplification only to draw connections to artistic phenomena such as Fluxus or the Situationist International, even if they problematize the artistic statement as a means of searching for new, more democratic forms for the circulation of art through society. There are artists – even Picasso and Warhol – who, in the process of solving completely different questions, came to embody creativity in society's eye, transforming mass-cultural ideas on the visual per se. This too is a civic task, which is connected to democracy just as much as anything else is. During the last years, art and the art system have become immeasurably more democratic. A system of non-profit organizations has been established; intellectual debates have become the natural norm within artistic institutions; the impartial judgment of experts and expert-structures has effectively usurped the authority of the galleries etc.

Guia Rigvava, Stuttgart-Moscow

The ongoing democratization of art is something that I probably fail to recognize. Instead, I tend to agree with those who observe the crisis of art's utopia in parallel to the crisis of civil society's utopia. The institutions make the art system function. For their part, the institutions are founded by society and perform according to the interests of that particular society. As soon as this society changes, its institutions will also change. It is not the other way around. And artists can and need to fly on the wings of desire. Someone said that capitalism is unable to cope with desire; it has a place only for interest.

Anatoly Osmolovsky, Moscow

...The art world is exclusive. This question is too difficult and there is too little room here to launch upon any exploration, which would really have to address the question from a number of angles. I would just like to say that the exclusiveness of visual art is a very important factor. As paradoxical as it sounds, it is necessary to work with this factor, using it in the process of democratizing culture.

Sina Najafi, New-York

What was once an interesting question of scale in art has now become a mere question of size. Stop the supersizing of art. Make all artworks and art criticism anonymous. This suggestion, adapted from Foucault, counters the fact that "a name makes reading too easy." Art will be changed as dramatically as banning inheritance would change the world.

Konstantin Bokhorov, Moscow

To be honest, I don't see such a problem here. One unified global system is replacing the more closed regional artistic contexts. This is an objective process. The state of dissatisfaction that the contemporary artist often experiences is the subject is another question. This question has little to do with democratization. Quite on the contrary, the art system is extremely effective under the conditions at hand. Thus, it is hardly surprising when the struggle for its democratization turns into a squabble for a more advantageous place within its hierarchy.

Bart de Baer, Antwerp

We now have an exhibition titled 'All under heaven', which seems to be a poetic title but is actually the base of the Chinese image of the world, an inclusive image.

The MuHKA tries to articulate its position not only within art but also within social action. In order to do this we rethink basic words that have been discarded. We are currently working around 'reflexivity', 'joy', 'conversation' and 'morality'. We have also asked Rudi Laermans to write an operational text whose point of departure is Bakhtin's idea of polyphony. We want to make our position knowable. This may be a base. We want to relate this to our activities, so that we can be approached on these grounds. Besides, we do theoretical research on the articulation of formats of art that are not validated economically.

Vladimir Salnikov, Moscow

It is high time to smash the entire international system of contemporary art completely, only to build it anew. The goal of this reconstruction cannot be the goal of Western expansion, but justice, as far as all of the world's different cultures are concerned.

John Peter Nilsson, Stockholm

Over the last decades, we have witnessed the creation of a new kind of international network, involving artists and art-professionals. You don't need to live in Paris or New York anymore to be part of the "international art world". I think this process has opened up to, in my mind, a positive 'glocal' art scene today. There will still be market hierarchies and global corruptness, but what is happening is that more artists have far more possibilities to be visible than ever before.

What I am afraid of is the consumption speed of today's artists. The globalization of the art world has created an atmosphere of discovering new talents, the more in the periphery the better. There is a tendency to show cultural-geographical realities instead of dealing with purely artistic questions. But in general, I must say that through art I learn more about similarities and differences in the world than what I do from, for example, today's mass-media.

Гия Ригвава, Штутгард-Москва

Текущей демократизации искусства я просто не вижу. Скорее, я согласен с теми, кто наблюдает в искусстве кризис утопии, наряду с кризисом утопии гражданского общества. Институты делают из искусства функцию системы. Со своей стороны, институты основаны обществом и работают в интересах этого определенного общества. Если в обществе будут изменения, то изменятся и институты, а не наоборот. Но художники могут и должны парить на крыльях желания. Кто-то сказал, что капитализм не может справиться с желаниями – только с интересами.

Анатолий Осмоловский, Москва

... мир искусства эксклюзивен. Это очень сложный вопрос и для его многостороннего освещения здесь нет места. Хочу лишь сказать, что эксклюзивность изобразительного искусства очень важный фактор, с которым необходимо работать используя его, как это не парадоксально, в процессе демократизации культуры.

Сина Найафи, Нью-Йорк

Если раньше нас интересовал масштаб искусства, то сегодня большую роль играет роль его "размер". Необходимо оставить мегаманию. Надо сделать анонимными как произведения искусства, так и его критику. Это предложение вытекает из позиции Мишеля Фуко, который отметил, что "присутствие имени слишком облегчает чтение".

Константин Бохоров, Москва

Честно сказать не вижу здесь проблемы. На место замкнутых систем искусства пришла одна - всемирная. Это объективный процесс. Состояние неудовлетворенности в котором пребывает современный художник - это другой вопрос. Он не имеет отношения к демократизации системы. Наоборот, приходится признать, что художественная система предельно эффективна в данных условиях. Недаром борьба за ее демократизацию превращается в борьбу за наиболее выгодное место в ее иерархии.

Барт дэ Баер, Антверпен

У нас сейчас проходит выставка "Все поднебесье", что звучит как поэтическое название, но на самом деле – это основа китайского образа мира, инклюзивного образа. МуНКА - наш музей современного искусства в Антверпене, пытается артикулировать свою позицию не только внутри искусства, но и изнутри социального действия. Для этого мы переосмысливаем основополагающие понятия, которые, казалось бы, вышли в тираж. Сейчас мы работаем с "рефлексией", "радостью", "беседой" и "моралью". Кроме того, мы попросили Руди Лерманса написать текст, отталкивающийся от идеи полифонии Бахтина. Мы хотим, чтобы о нашей позиции знали. Это может стать основой. Мы хотим соотнести ее с нашей деятельностью, чтобы нас рассматривали в этой перспективе. Еще мы предприняли интеллектуальное исследование возможностей развития искусства вне рамок, узаконенных экономикой.

Владимир Сальников, Москва

Надо срочно полностью уничтожить всю наличную международную систему современного искусства. И построить ее заново. И ее целью не должны быть цели западной экспансии, а справедливость по отношению ко всем культурам всех стран.

Джон Петер Нилссон, Стогольм

В последние десятилетия возникли новые международные сети, объединяющие художников и профессионалов в сфере искусства. Больше уже необязательно жить в Париже или Нью-Йорке, чтобы принимать участие в "интернациональном мире искусства". На мой взгляд, этот процесс открывает сегодня новую позитивную глокальную сцену. Рыночные иерархии и глобальная коррупция по-прежнему останутся, но у большего числа художников появилось куда больше возможностей быть замеченными, чем когда-либо прежде. Меня лишь настораживает насколько быстро система сегодня "потребляет" нынешних художников. Глобализация мира искусства создала ажиотаж вокруг поисков новых талантов, особенно талантов с периферии. Существует тенденция демонстрировать культурно-географические реальности, а не заниматься собственно художественными вопросами. Однако в целом я должен сказать, что благодаря искусству я узнаю больше о сходствах и отличиях, существующих в мире, чем, например, из средств массовой информации.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

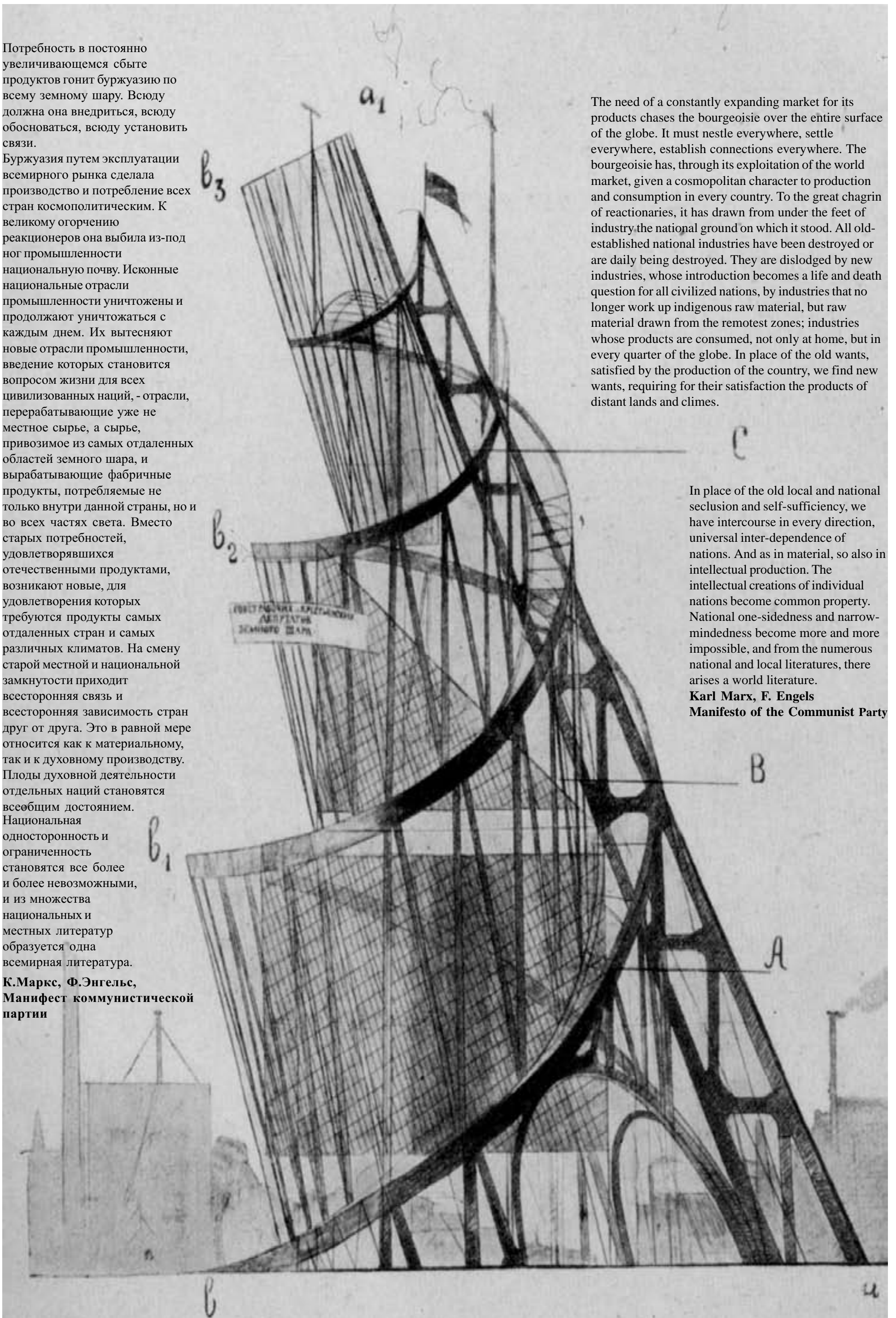
Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она выбила из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, - отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость стран друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся всеобщим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

**К.Маркс, Ф.Энгельс,
Манифест коммунистической партии**

The need of a constantly expanding market for its products chases the bourgeoisie over the entire surface of the globe. It must nestle everywhere, settle everywhere, establish connections everywhere. The bourgeoisie has, through its exploitation of the world market, given a cosmopolitan character to production and consumption in every country. To the great chagrin of reactionaries, it has drawn from under the feet of industry the national ground on which it stood. All old-established national industries have been destroyed or are daily being destroyed. They are dislodged by new industries, whose introduction becomes a life and death question for all civilized nations, by industries that no longer work up indigenous raw material, but raw material drawn from the remotest zones; industries whose products are consumed, not only at home, but in every quarter of the globe. In place of the old wants, satisfied by the production of the country, we find new wants, requiring for their satisfaction the products of distant lands and climes.

In place of the old local and national seclusion and self-sufficiency, we have intercourse in every direction, universal inter-dependence of nations. And as in material, so also in intellectual production. The intellectual creations of individual nations become common property. National one-sidedness and narrow-mindedness become more and more impossible, and from the numerous national and local literatures, there arises a world literature.

**Karl Marx, F. Engels
Manifesto of the Communist Party**

Столетие империализма и история противостояния ему не оставляют никакой возможности апеллировать к “невинно-аутентичному” культурному контексту. Сегодня напряжение возникает из-за различий в скорости процессов: действительно, возможно сделать большое международное событие за полгода, и невозможно за то же время реализовать самый скромный проект, стремящийся к серьезной интеграции в местную ситуацию. Эта разная скорость проживания в свою очередь приводит к вопросу о необходимости ответственного выбора пространства действия.

Необходима ли сегодня приостановка конвейера глобальных событий и акцент на интернационалисткой работе на местах?

Виктор Мазин, Петербург

Никакая приостановка конвейера невозможна, поскольку искусство не изолировано от остальных регистров жизни. Да и эта утопическая изоляция ни к чему бы ни привела. Но я согласен с необходимостью “работы на местах”. Что бы ни говорили о глобализации, мы работаем в определенном культурном контексте. И необходимо производить смысл этой работы именно в данном контексте.

Сина Найафи, Нью-Йорк

Наложить мораторий на все биеннале, по крайней мере, на четырехлетний период. А также отказаться от книг и выставок пропагандирующих все лучшее из “того” или “другого”

Дмитрий Булатов, Калининград

Я бы не стал всерьез говорить о возможности приостановки “конвейера глобальных событий” – это пахнет левизной в самом кондовом инфантильно-романтическом смысле. Это то же самое, что пытаться приостановить вещание на каком-либо из телеканалов, сидя у телевизора. Телевизор, конечно, можно выключить, но вещание от этого не прекратится... Нас отделяет от времени революционной бури и натиска практически столетие. За это время люди, кажется, научились, и вообще, история их научила не действовать в лобовую. Нужно действовать (и технологии нас учат этому) более незаметно, тактично, косвенно и опосредованно. Более изысканно – я бы сказал... В этом смысле для тактических медиа нет никакой разницы между глобальным и локальным событием – в условиях уже обозначенного эффекта глобалокализации тот или иной проект все равно фокусирует сверхязыковые связи, которые приобретают характер организации смысла. В связи с этим вопрос о пререакцентировании действий с глобального на локальное для меня вообще лишен смысла.

Дмитрий Гутов, Москва

Акцент на интернационалисткой работе на местах, мне представляется бессмысленным и безответственным. Никому “на местах” это искусство не нужно.

Анатолий Осмоловский, Москва

Лично я к глобальным событиям в мире искусства отношусь довольно скептически. Они часто сваливаются в откровенную репрезентацию. Однако этот скепсис должен быть употреблен в позитивном ключе. Ведь подобные проекты делают видимым новые тенденции искусства, иногда в рамках подобных проектов удается реализовать очень интересные идеи. Наконец глобальные события – это может быть и не идеальная но реальная форма реализации международной культурной коммуникации. И это поле всегда открыто для эксперимента – необходима лишь политическая воля основных организаторов.

Барт дэ Баэр, Антверпен

У меня такое ощущение, что события – одна из главных возможностей в наше время. Чаще всего они ужасающе пусты, но они могут быть насыщенными, как биеннале в Сан-Паулу (сделанное Паулем Херкенхорфом), или последняя биеннале в Кванджу. То были плодотворнейшие моменты, с какими я сталкивался в последние годы. По-моему, им нужно не противостоять, а входить в них, они вызывают к переоценке и критическому обоснованию как возможность интенсивности и преобразования.

Елена Петровская, Москва

Я думаю, проблема в том, что региональные художники уже сами не хотят этой местной интеграции, что их аудитория решительным образом поменялась. Успех определяется где-то в другом месте – скажем, на международных биеннале или выставках в странах “первого” мира. Невозможно сохранить (обрести) идентичность, не включившись в международный поток. Но такое включение само по себе проблематично, ибо оно происходит благодаря адаптации или в широком смысле переводу. Что подлежит включению и на каких основаниях? Твоя этнография, твоя пост- или просто колониальная доля, твоя эксцентрика, наконец? Неужели включение определено заранее тем местом, которое отведено региональным художникам (условное название) в расширяющемся, поистине глобальном, контексте? В контексте, замечу, где распределение сил очевидно и где политика играет свою привычную роль, с поправкой на изменившийся баланс международных сил. Я думаю, напряжение и состоит в том, что встраивание происходит по заранее определенным линиям или маршрутам. Причем художники не вольны их выбирать. А вот как можно встроиться, минуя эти шаблоны, или по крайней мере сместив их, внося путаницу и сумятицу в ряды профессиональных арт-диллеров, – это для меня открытый вопрос.

Илья Будрайтскис, Москва

Действительная значимость интернациональных событий может быть определена только через их погруженность в локальную ситуацию.

Гия Ригвава, Штутгарт-Москва

К сожалению, периферии лишены многих вещей, включая искусство, включая философию. Сделать справедливым – чудесное намерение, но вопрос слишком сложен. Что делать с большими событиями? Запретить их? Бойкотировать их? Я ничего не имею против больших событий. У них есть позитивная роль. “Международная работа” на местах? На каких местах? Если вы сводите русского и американского художника вместе, то вы сразу имеете все проблемы с разделением богатых и бедных. С другой стороны, привозить проекты на периферию – то же самое, что заставлять людей смотреть MTV на пустой желудок. Так ли это здорово? Не знаю. Проблемы лежат по ту сторону этих двух видов деятельности.

Олег Киреев, Москва

Технологии сопротивления должны быть адекватны местной ситуации, но, коль скоро глобализация по определению несет с собой одни и те же ценности, порядки, техники принуждения в разные страны, то, значит, активистам разных стран есть причины обмениваться опытом того, как с ними бороться. Но левая сцена предлагает также новую схему отношений центр-периферия: взамен монологического диктата, присущего глобализации, она вырабатывает механизм обмена, основанного на обратной связи. Так, поскольку левые, скажем, в Европе первыми обнаруживают “тренды” – например, технологические, – и разрабатывают методики сопротивления, то страны третьего мира получают эти методики, обрабатывают применительно к своей ситуации, обогащают своим не-западным опытом, и возвращают назад в обогащенном виде. Еще интереснее ситуация, когда “центров” и особенно “периферий” становится много, тогда обмен становится еще интенсивнее, а число уровней возрастает до трех, пяти... Так случилось, например, с концепцией “тактических медиа”, выработанным в Амстердаме и успешно примененным в Индии, Бразилии, а также Италии.

where ever we are

где бы мы ни были
Олейников/
2004/oleynikov

cast:
b(boy)_mark rosenfeld
g(girl)_olya novojenova

b- h-e-e-e-e-e-y!!!*

g-Dude, so what's up? Haven't seen you for, like, three million years!

- Fine, I guess, rotting away quietly. I just got your letter – my depression was gone right away. Too bad that you're only passing through, otherwise I'd show you a thing or two. There's a couple of cool places here. But fuck it, get in, let's go.

g- Put some tunes on, I brought them for you.

Stereo {...sweet, ughh, so damn internationally sweet home, ugh yo my sweet home re_vo_lution, yeaghhh-za-za...*}

b-What's he gurgling?

g- Oh, those are some friends of mine from Osaka singing a song by some friends of mine from Zagreb...

b- Far out! Even cool! So what, a lot of people are hanging out in the Ural mountains?

g- Uh-huh, all of our peeps, Hervig, Angelo, Rashid with his new girl, and Kostya too, of course!

b- Oh man! I really miss all of that! Whenever I think about those guys, I always immediately remember my first international experience...

g- yeah, yeah! I remember, you told me that story once, how you were at summer camp. There were some black kid there, and no-one except for you was friends with him.

b- Exactly, there were only two of us then, but we were happy anyway, because we supported one another, you know what I mean? It's the same way today. Because the world isn't being unified by the transnational corporations or the World Bank or whatever, but because of people like us: new travellers, athletes,

scholars, artists (all of those who usually make up the fucking "cream" of our fucking nation), intellectuals and freaks, who meet regardless of nationality, formal borders, fingerprints, passports, and all that other shit, spending all their time together, have fun, even get together in little circles to discuss their interests, having lots of good discussions and arguments, competing, organizing lectures and sit-ins, smoking or not smoking at all, polemicizing, and cross-country skiing even...

g- ...You could call that a real International, global in a way. And see, the thing is: it's not really nominal, but new, young and crazy. You're right, dude! Power to the people!

b- I want that so badly, I miss it so much!

g- So come with us. You have your equipment* with you?

b- Yeah sure, always in the trunk, just in case, only I'm busy dude, I forgot, I have to meet with my boss tomorrow, I think he wants to give me a raise.

g- насри на босса, на хуй работу. Поехали, у меня есть рубли, на бензин хватит! Сейчас в горах сказочно!

g- Fuck the boss! Fuck work! Let's go: I've got enough for gas! It's gorgeous up there in the mountains!

b- OK*, sweet...you want some candy?

*Originally in English

[Translator's note: we are very sorry that this comic strip cannot really be translated into English, not only because it uses the contrast between English slang and the Russian vernacular, but also because it presents something that – in Russia's local situation – is sadly still little more than a utopia.]

In contemporary culture, it is often said that the processes of globalization have taken on an unbelievable tempo, penetrating all sides of life. However, it is often forgotten that they follow a century of imperialism and resistance that left no contexts “innocent”, “authentic”, or untouched. Still, today’s relationship to time is defined by a fundamental conflict: Yes, it really is possible to organize big international events in the course of half a year. But it is impossible to realize the most modest little project that attempts authentic integration in a local situation. In turn, the difference between these speeds of life raise the question of making a responsible choice as to the sphere of action.

How important is it today to stop the conveyors of big events, opting instead for internationalist work on location?

Viktor Mazin, Petersburg

It is impossible to “stop the conveyor” since art is not isolated from life’s other registers. And by the way, this utopian isolation would hardly lead to anything. But I agree that it is necessary to “work on location”. Regardless of what they say about globalization, we all work in specific cultural contexts. Once again, it is necessary to render the meaning of this work from the context that it affects.

Sina Najafi, New-York

Place a moratorium on all biennials for a period of at least four years. Also, no more books and shows purporting to round up “the best” of this and that.

Elena Petrovskaya, Moscow

I think the problem is that regional artists already don’t want any kind of local integration, that their audience has changed decisively. Their success is made or unmade somewhere else, on the international biennales or at exhibitions in the “First World”, for an example. It is impossible to retain (gain) an identity without tapping into the transnational flow. This is actually quite problematical, since it takes place through adaptation in the broader sense of translation. What is actually becoming a part of the network? Under which circumstances is it being hooked up? Your ethnography, your post-colonial (or simply your colonial) burden, the fact that you’re an eccentric? Does the predefined placement of regional artists into special places reserved for them in the international art world represent a full-fledged integration into the real global context, constantly expanding? A context, one might add, whose distribution of power is obvious, where politics play their usual role, corrected slightly to meet the changed international power balance. I think that the current tension consists in the fact that too much is being constructed in advance, following predefined lines and routes. The artist is not free to choose which path to take. How is it possible to find one’s place, evading these templates or at least exchanging them, bringing confusion to the hordes of professional art dealers? This, to me, is an open question.

Ilya Budraiskis, Moscow

The real meaning of international events can only be recognized through their immersion in local situations.

Dmitry Bulatov, Kaliningrad

I wouldn’t talk about the possibility of stopping the conveyor of global event if I were you – it reeks of leftwing rhetoric of most worn and infantile-romantic sort. Stopping the conveyor is the same as stopping the actual broadcast of a TV channel while sitting in front of a television. While you can turn the television off, the broadcast itself will continue...Among other things, a century of pragmatism sets us apart from the revolutionaries and their troubled times. Since then, it seems that people have learned a lesson taught by history, namely not to act through head-on confrontations. Today, one needs to act in more round-about, mediated, tactical, indirect ways, as technology teaches us. We need to be more subtle...In this sense, tactical media make no difference between global and local events. Under the conditions of the “global-localization” effect, which has already been described, this or that project inevitably focuses the meta-linguistic interlinks themselves, organizing significance. Thus, your question of whether one should reaccentuate one’s activities from the global to a local field means almost nothing to me.

Dmitri Gutov, Moscow

To me, a reaccentuation of internationalist work on location seems both senseless and irresponsible. Nobody “on location” actually needs this kind of art.

John Peter Nilsson, Stockholm

Big art events are sometimes like a circus coming to town, leaving few traces in the local community, departing for the next town tomorrow. However, the big event can also be something that breaks everyday routines. The big event can open local eyes to the world, stimulating a dialogue between the local and the global, that is - if the event has an intellectual and artistic edge and not only becomes an event for its own sake. Authentic integration in a local situation is something else. I do not want to construct a conflict between these two different approaches; I rather see them as complimentary. The risk with “integration” is always that it demonizes the local. Nevertheless, as with big events, this is a question of content rather than form.

Guia Rigvava, Stuttgart-Moscow

Unfortunately, the peripheries are deprived of many things including art, including philosophy. To make the world more just is a wonderful intention but that is too complex an issue. What does one do with big events? Should one ban them? Should one boycott them? I don’t have anything against big events. They have their positive function. International work on location - which location? If you bring Russian and American artists together in some center, all the problems of the division between rich and poor will manifest themselves instantly. On the other hand, bringing projects to peripheries is like having people with empty stomachs watch MTV. Is this so nice? I don’t think so. The real problems lie beyond these two forms of activities.

Anatoly Osmolovsky, Moscow

Personally, I am quite skeptical of global events in the art world because they often fail, resulting in nothing more than overt representation. However, I like to think of my skepticism as a negative means to a positive end. After all, big events reveal new tendencies in art; sometimes, it is even possible to realize ideas that are very interesting there. However, global events need to be real (not representative) materializations of international cultural communication. Moreover, this field is always open for experimentation; the only thing that we really need is the political will of its organizers.

Oleg Kireev, Moscow

The technologies of resistance need to be adequate to their local situations, but if globalization, by definition, is bringing the same values, orders, techniques of coercion to many different countries, activists from all of these different places have good reason to trade notes of how to resist them. While the European Left is always the first to discover and set “trends” – new technologies, for an example – in order to develop its method of resistance, Third World countries tend to receive these methodologies, reworking them to fit their own situation, enriching them with their non-Western experience and returning them in an altered form. This is even more interesting in a situation where there are suddenly many “centers” and many peripheries, when the exchange becomes more and more interesting and the root rises exponentially, to three or five... This is what actually happened with the conception of “tactical media”. It developed in Amsterdam, and then, it was used successfully in India, Brazil and Italy.

Bart de Baer, Amsterdam

I feel events to be one of the main possibilities of these times. Most often, they are horribly empty, but they may be full, like Paulo Herkenhoff’s Sao Paulo Biennial or the last Kwangu biennial. Those were the richest moments I encountered the last years. I feel they should not be opposed but entered, reassessed and critically validated as a possibility of intensity and transformation.

At the Third Congress, in 1921, we adopted a resolution on the organizational structure of the Communist Parties and on the methods and content of their activities. The resolution is an excellent one, but it is almost entirely Russian, that is to say, everything in it is based on Russian conditions. This is its good point, but it is also its failing. It is its failing because I am sure that no foreigner can read it. I have read it again before saying this. In the first place, it is too long, containing fifty or more points. Foreigners are not usually able to read such things. Secondly, even if they read it, they will not understand it because it is too Russian. Not because it is written in Russian—it has been excellently translated into all languages—but because it is thoroughly imbued with the Russian spirit. And thirdly, if by way of exception some foreigner does understand it, he cannot carry it out.

Vladimir Lenin. Five Years Of The Russian Revolution And The Prospects Of The World Revolution. [Report To The Fourth Congress Of The Communist International, November 13, 1922]

В 1921 г. на III конгрессе мы приняли одну резолюцию об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, т.е. все взято из русских условий. В этом ее хорошая сторона, но также и плохая. Плохая потому, что я убежден, что почти ни один иностранец прочесть ее не сможет... Во-первых, она слишком длинна, в ней 50 или больше параграфов. Таких вещей обыкновенно иностранцы не могут прочитать. Во-вторых, если ее даже прочтут, то никто из иностранцев ее не поймет, именно потому, что она слишком русская. И потому, что она написана по-русски, — она прекрасно переведена на все языки, — но она насквозь проникнута русским духом. И, в-третьих, если в виде исключения какой-нибудь иностранец ее поймет, то он не сможет ее выполнить.

Владимир Ленин, Пять лет российской революции и перспективы мировой революции [Доклад на IV конгрессе Коммунистического Интернационала 15 ноября 1922 года]

Современные философы, критики и теоретики предпочитают говорить не об Интернационале, а о сообществе (или композиции сообществ), объединенных общим делом, стилем жизни, пронизанных потоками аффектов, эротизмом внутренних отношений. К этим сообществам относятся, прежде всего, суб-культуры, каждая из которых претендует на свой радикальный шик. Будь ты панк, рейвер, или хип-хопер, или же член группы “Атттак” радикализация повседневности закодирована в твой образ жизни. Несмотря на свою укоренённость в локальных сценах, эти сообщества становятся возможны благодаря наличию универсального языка поп-культуры, делающего их совершенно прозрачными для внешнего взгляда. Сегодня опыт этих сообществ оказывается важной моделью для художников, ищущих свои версии органичного соединения локальной маргинальности и глобальной значимости.

Насколько вам кажется важным опыт этих новых интернациональных сообществ, легитимированных глобальной поп-культурной? Насколько они оказывают давление на развитие искусства?

Олеся Туркина, Петербург

Эти новые интернациональные сообщества возникают как очаги сопротивления, и только затем они легитимизируются поп-культурой. Искусство можно отнести к одному из таких сообществ, зачастую они напрямую связаны как, например, в искусстве граффити. Не хип-хоп, панк или рейв оказывают давление на искусство, а потребительское общество, которое постоянно наращивает скорость захвата и того, и другого.

Гия Ригвава, Штутгарт-Москва

Существование того факта, что местное сообщество может стать глобальным, не нужно переоценивать. Прежде всего, это производство конвенции, под которой может подписаться каждый, не важно, где он или она находится. Они определяют себя как рейверы, хип-хоперы. Но это может привести и к появлению более существенной идентичности. Сама возможность такой идентификации может быть увидена как вызов каждому интеллектуалу, политику, революционеру – любому, у кого есть проект.

Анатолий Осмоловский, Москва

На мой взгляд довольно наивно утверждать какую-то радикальность панков или рейверов. Что здесь понимается под радикальностью: курение марихуаны, экстравагантные причёски, блестящая бижутерия или “танцы до утра”? О некоторой радикальности повседневности можно говорить наверно в отношении некоторых политических групп. Возможны специальные эксперименты в этой области планомерно осуществляемые художниками (по типу ситуационистов) – но это очень ограниченный опыт. И, кстати, он имеет самое непосредственное отношение к эксклюзивизму. Что же касается поп-культуры, то на мой взгляд проблематика ее влияния на критическую культуру исчерпана уже давно. Наверное момент продажи немецкого музыкального журнала SPEX коммерческому издательству поставил точку в этом вопросе. Как известно именно это издание пыталось понимать те или иные сегменты поп-культуры как часть культуры критической. На мой взгляд сейчас уже ясно что в своем основании данное отношение было значительным преувеличением. Поп-культура тесно связанная с индустрией развлечений и досуга оказывает значительное давление на искусство и это давление в основном крайне негативное. Искусству с каждым годом все труднее и труднее сопротивляться этому давлению.

Виктор Мазин, Петербург

Нет универсального языка поп-культуры. С одной стороны, язык российских поп-звезд, за редчайшим исключением, оказывается вообще непереводаемым. С другой стороны, универсальная поп-звезда типа Бритни Спирс – не универсальна в силу того, что она в Англии и она в Японии – не одно и то же. Совершенная прозрачность не существует не только для внешнего, но и для внутреннего взгляда. Иллюзия считываемой кодировки внешних маркеров позволяет не столько понять другого, сколько утвердиться в нарциссизме распознавания себя. Более того, на мой взгляд, и панк панку рознь. Я бы не стал говорить о поп-культуре, есть масс-медиализованная культура, стремящаяся к однородности и универсальности, но никогда ее не достигающая. Это недостижение, как ни странно, является собой необходимое условие движение капитала. Масс-медиализация в стремлении капитализировать всё захватывает и то, что называется контркультурой, и то, что называется авангардом. Благодаря чему критическое послание культуре оказывается и приглушенным, и услышанным. Что касается оказываемого давления масс-культуры, то и здесь можно занять различные позиции. Можно подчиниться и устремиться в ее объятия, а можно – “нас ебут, а мы крепчаем”.

Джон Петер Нилссон, Стогольм

Есть смысл в том, чтобы структурировать мир, и способы такой структуриации всегда следуют определенным трендам, связанным с одержимостью определить, что есть здесь и сейчас. Я не вижу никаких проблем, если художников интересуют такие процессы. По крайней мере, до тех пор, пока они создают эти тренды сами, а не слепо им следуют.

Дмитрий Булатов, Калининград

Очевидно, что субкультура субкультуре – рознь. Порой явления, дескриптивно не отличимые от искусства, исполняют функции искусства для людей, которые не занимаются искусством или имеют недостаточный или неудачный опыт общения с ним. Сегодня можно привести в пример целый ряд образцов “гостиничной культуры” (по Вайбелю), ориентированной на смену впечатлений, где происходит обращение к давно вышедшим из употребления смысловым полям (среди них столь любимые MTV-сознанием fashion, lifestyle и clubbing). Налицо некий сдвиг между компонентами некогда художественной системы – элементы, которые изначально были вспомогательными и необязательными, в поп-сознании приобрели статус основных, первостепенных. В свою очередь, элементы и характеристики, первоначально выполнявшие функции доминанты, стали второстепенными. В итоге – и на профанном и на экспертном уровнях мы получаем превалирование фактора неразличения, который транслируется из одного события в другое... Поэтому, возвращаясь к заданному вопросу, могу сказать, что опыт одних сообществ, который соотносится с моими представлениями о современном искусстве, мне интересен, опыт других, которые лишь камуфлированы под современное искусство, - нет.

Барт дэ Баэр, Антверпен

Ужасно, что у нас нет альтернативы “глобальному” миру. Ну а я, я сам? Я связан, по выбору своего сердца, с вами, с моим локальным окружением, с Паулем Херкетхорфом в Рио дэ Жанейро. Эти связи делают меня особым, через них моя деятельность обретает выражение.

Contemporary philosophers and theorists prefer to speak of communities rather than the International, of alternative groupings, pulsing and networking in affectation, eroticized in symbolic exchange. Whether you're a Punk, a Raver, a Hip-Hopper or even a member of ATAC, radicalization is coded into your way of life. Because you can only be consequently authentic if you drop out from society's general production in favour of relating to your community. For this reason, such communities are very site-specific. But, on the other hand, they are only possible thanks to the global language of pop-culture. Today, the experience of such groups appears as an important model for artists on their search for the connections between local marginality and global significance.

In how far is the experience of new local communities that draw their linguistic legitimacy from global pop-culture? In how far do they influence the development of contemporary art?

Guia Rigvava, Stuttgart-Moscow

The fact that a local community can "go global" cannot be overestimated. First, it is produced by a convention to which anyone can subscribe, no matter who and where he/she is, thus identifying himself/herself as raver, hip-hopper. This, in turn, can also lead to the appearance of a more substantial identity. The possibility itself of such identification through such an unlimited mechanism can be seen as a challenge for any artist, intellectual, politician, revolutionary or anybody who has a project.

Anatoly Osmolovsky, Moscow

In my view, it is quite naïve to attribute some kind of radicalism to punks and ravers. What's so radical? That you smoke dope, have an extravagant haircut, that you own a brilliant bijouterie, or that you dance until the morning? One can probably speak of everyday radicalism when it comes to certain political groups. Some artists (like the Situationists) were successful in conducting special experiments in this field, but these were very limited experiences.

By the way, such experiences are closely related to exclusiveness. As far as pop-culture is concerned, I see that that the problematique of its influence on critical culture has exhausted itself long ago. The sale of the German music-journal SPEX, at the very latest, has put a close to any further inquiry. As we know, this publication tried to understand these or those segments of pop-culture as a part of critical culture. In my opinion, it is already clear today that the way they related to pop was an exaggeration. Pop culture is closely connected to the entertainment industry, which exerts a great deal of pressure onto art; most of the time, this pressure is extremely negative. With every year that passes, it becomes harder for us to resist.

Dmitry Bulatov, Kaliningrad

It is obvious that subcultures are actually divided and in conflict with one another. Many phenomena are descriptively identical to art. They fulfill art's functions for people who aren't involved in art or who have made too few or too negative experiences with it. Today, one can discover many instances of what Peter Weibel calls "hotel cultures". Oriented toward presenting changing impressions, they address fields of significance that have long since lost their uses (among them, all-time favorites such as MTV-consciousness, fashion, lifestyle, and clubbing). Some components of the art system have shifted: elements that were once auxiliary supplements have become primary, as far as pop consciousness is concerned. In turn, elements and characteristics that once played the role of dominants have now become secondary. In the end, on both profane and expert levels, they supply us with a pre-validated *factor of indifference*, translated from one event to another. Returning to the question at hand, I am interested in the experiences of some communities connected to contemporary art, while the experiences of those who camouflage or disguise themselves as contemporary art simply leave me cold.

Olesya Turkina, Petersburg

New international communities appear as pockets of resistance; then, pop-culture legitimates them. You might consider art as one of these communities; in some cases, there is a direct connection between art and resistance, as is the case with graffiti. But neither hip-hop, punk nor rap are capable of exerting any real pressure on art; the source of the pressure is actually consumer society. The speed with which consumption makes its appropriations is constantly growing.

Victor Mazin, Petersburg

There is no such thing as a universal language of pop-culture. On the one hand, the language of Russian pop stars, with only a few exceptions, is impossible to translate. On the other hand, a universal pop star like Britney Spears is not universal. People in England and Japan don't actually see her in the same way. There is no such thing as complete transparency of seeing or vision at all, be it external or internal. The illusion of the outer markers' code-compatibility does not allow you to understand the other better. Instead, it confirms the narcissism of recognizing yourself. Moreover, I see that it often comes down to punk vs. pop, that subcultures are internally and externally divided. So I wouldn't speak of pop-culture at all. Instead, there is mass-mediated culture, which strives toward unification and universality, but never actually reaches its goals. As strange as it may seem, this non-fulfillment is a necessary condition for the movement of capital. Mass-mediation strives to capitalize everything that moves, including what we call "counter-cultures" and "the avant-garde". Thanks to this, culture's critical voice is both muted and amplified. As far as the pressure of mass-culture is concerned, it depends on your position. You can subordinate yourself and rush into its embrace, but you can also say, "They may be fucking us over, but that only makes us stronger."

John Peter Nilsson, Stockholm

It is meaningful to structure the world and the ways of doing so always seem to follow certain trends linked with the obsession of defining what is now and here. I don't see any problems if artists are interested in such processes. At least as long as they create the trends themselves and not just become followers.

Pytor Bystrov, Moscow

The last years have failed to produce any fundamentally new form of community. Moreover, all of the old forms have succumbed to commercialization, degenerating or dying out. All of this has happened without the exclusion of "crowds" or groups of friends, dependent on the global media-order, infected by the virus of "success", "the very best" and all the rest. In principle, only one thing is important: movements and artists represent a certain value. Their activity offers a fundamental appeal. Subcultures are often much alike in their use of pseudo-activist slang. A sign-system with referents such as "realness" or "radicalism" is actually little more than a cliché since its over-exploited terms can be related to anything at all. If a movement arose whose potential values would not consist in making the "top ten", of becoming a trend-setter, there might actually be something to talk about. However, most movements, directions and groups measure themselves by (and represent) the values of clichés. "Radical chic" is a gene of "victorimorphosis" (=triumphant opportunism), destructive from within. All of these international communities aren't even worth a damn, simply because their architecture (their structural base) is identical to a key product of the media – clans, "families" and mafias. Art only deceives itself through a false orientation toward what seem to be objective societal precedents. But these do not exist.

Bart de Baer, Antwerp

How horrible that we don't have an alternative to the 'glocal' word. Now, I am. I am connected, in the choices of my mind, with you, with my local environment, with Paulo Herkenhoff in Rio as well. These connections make me specific. They express my activity, my being. Aren't we on the wrong track in our negotiation?

Victor Misiano, Moscow

I feel that that the network-type of alternative movement has already exhausted itself, following what was a romantic period of initiation. Today, we are facing a different situation: on invitation from the mayor of Florence, the anti-globalists brought more than a million of protestors to the streets; "Attac" has been invited to join a revived socialist party etc. Instead of networks, we need real national and transnational organizations, culture instead of subculture. While this certainly brings the danger of bureaucratization and the imposition of hierarchy etc., it is the only way for actually reforming society and effectively counteracting the cultural industry's muting of sub-cultural initiatives. The future party structure will face the task of renewing the institutions of representative democracy and its system of cultural and educational institutions. This task cannot be achieved on the fairground of a carnival.

Oleg Kireev, Moscow

The organization of the movement as a network (and not as a hierarchy, such as the traditional International) is really one of the discoveries and achievements of the contemporary Left. But for how long can this continue? As Empire grows stronger in terms of politics and military force, will the Left find itself in need of a more rigid, disciplinary form of self-organization? Or can this self-organization find some new developmental vector, free of partisan interest and discipline?

Elena Petrovskaya, Moscow

First of all, to be fair, the following observation: any subculture, all the more so a subculture with pretences toward "radical chic", is already not a community. In general, the theme of the community actually arose through Communism's concrete institutional materializations. In materializing as a bureaucratic system, Communism successfully discarded this kind of togetherness, since it is impossible to express in an institutional form such as party, social institution, state etc. The community's togetherness resists being frozen or transformed into a registry of easily identifiable institutions and norms. In other words, this society is on the edge; marginality is the experience it endures. As we all know, artists and revolutionaries experience this most intensively. Such new communities and their experiences are only interesting to the extent that they remain subversive. The degree of their subversive potential can be determined by measuring how many of their signs are doubled by the dominant culture – which is not necessarily pop.

On to pop-culture. Many intellectuals have a relation to pop that is ambivalent to say the least. You can examine pop as an object. But can you really love it? May the Lord preserve us from such misery. At the same time, the sharpest among today's contemporary artists are those who come from this craziness in one way or another. Pop-culture is capable of saying more than one can even imagine about communities that accept clichés a priori. The fact of a cliché's use is something we won't argue about. On the other hand, in this form of consumption, for the shortest possible moment, the cliché is interpreted freely; culture does not control the direction of its effects. When the cliché dematerializes and loses itself in the power of significance, it suddenly becomes a substitute for memory and even for experience altogether. Then, an artist arises and expresses this experience. The experience of togetherness already exists, the clichés are already present; the newcomer reveals the cliché in its new quality.

Виктор Мизиано, Москва

На мой взгляд сегодня сетевой тип альтернативного движения себя исчерпал. Это был инициационный романтический период. Сегодня мы имеем дело с другой ситуацией: во Флоренции антиглобалисты по приглашению мэра города вывели на улицы миллион человек, "Аттак" приглашают войти во обновляющуюся соцпартию т.п. Вместо сети должна возникнуть реальная национальная и транснациональная организация/ии, а вместо субкультуры – культура. Да, это чревато бюрократизацией, иерархизацией и т.п., но только так можно реально воздействовать на общественное реформирование, только так можно эффективно противостоять поглощению субкультурных инициатив культурной индустрией. Перед будущей партийной структурой стоят задачи обновления институтов представительской демократии и всей системы культурных и образовательных институтов. Выполнить эту задачу карнавалами на площадях невозможно...

Олег Киреев, Москва

Сетевая организация движения, в отличие от иерархической (традиционные Интернационалы) – это, действительно, достижение и открытие современных левых. Но долго ли так будет продолжаться? Не может ли произойти, что по ходу военного и полицейского усиления Империи, и левым потребуются более жесткая и дисциплинированная самоорганизация? Или же эта самоорганизация сможет найти какие-то пути развития, свободные от партийности и дисциплины?

Петр Быстров, Москва

Никаких принципиально новых форм сообщества за последние годы не появилось, а прежние - коммерциализировались, выродились или исчезли. Все без исключения тусовки и группировки подвержены глобальному медиа-порядку, и инфицированы вирусом "успеха", "the very best", и все остальное. Принципиально важно одно – от лица каких иных ценностей выступает то или иное направление, тот или ной художник. Что он полагает базовой посылкой своей деятельности. Субкультуры часто едины в сленге псевдоактивизма – система знаков "реального" и "радикального" представляет собой бездну клише, поскольку сами эти эксплуатируемые понятия относимы сегодня ко всему, чему угодно. Если бы появилось движение, потенциальной ценностью которого не было бы попадание в top ten и на место законодателя мод, - это могло бы быть темой для разговора. Однако большинство движений, направлений и тусовок мерит себя, т.е. выступает от лица клишированных ценностей. Именно, что "радикальный шик" – этот вживленный ген "успехо-морфности", разрушает изнутри. Все эти интернациональные сообщества - не стоят ломаного гроша, потому что их архитектоника (их структурная база) идентична продуктам медиа – кланы, "семьи" и мафии. Искусство только обманется ложной ориентацией на якобы объективно существующие общественные прецеденты. Их нет.

Елена Петровская, Москва

Во-первых, справедливости ради замечу: субкультура, а тем более претендующая на "радикальный шик", – это уже не сообщество. Вообще, тема сообщества возникла как раз в полемике с тем, что коммунизм сумел воплотить. Воплотить и тем самым похерить тот опыт совместности, для которого не может быть адекватных институциональных форм – партийных, государственных, общественных. Сообщество – то, что в самом обществе противится его застыванию, превращению в перечень легко выявляемых институтов и норм. Сообщество, если угодно, – это общество на пределе, это его испытание. А испытывают общество, как известно, революционеры и художники.

Опыт любых новых сообществ интересен ровно в той мере, в какой он остается подрывным, то есть в какой господствующая культура – не обязательно популярная – его не дублирует своими знаками. Теперь о поп-культуре. Отношение к ней среди интеллектуалов по меньшей мере двойственное. Исследовать ее – да, это возможно, но любить ее – спаси боже от такой напасти. Между тем, наиболее пронизательны, на мой взгляд, те из современных художников, кто так или иначе связан с этой стихией. Поп-культура может больше рассказать о сообществах, сообществах, складывающихся через априорно коллективное восприятие клише, чем это можно вообще себе представить. Факт потребления клише неоспорим. Другое дело, что в этом потреблении есть момент, момент кратчайший, когда клише воспринимается, так сказать, свободно, когда культура не контролирует пути его воздействия. Когда само клише, дематериализуясь, теряя в знаковой силе, вдруг выступает субститутом памяти и даже совместного опыта. И появляется художник, который дает выражение этому опыту. Опыт совместности уже есть, клише уже наличествует, и приходит тот, кто в этом новом качестве его, клише, и выявляет.

Философия доводит до абсолюта относительную детерриториализацию капитала, она переводит его в план имманенции как движение бесконечности и уничтожает как внутренний предел, она *обращает его против себя самого, взывая к новой земле и новому народу*. Но тем самым она получает непропозициональную форму концепта, где уничтожается и коммуникация, и обмен, и консенсус, и мнение. Это скорее ближе к тому, что Адорно называл “негативной диалектикой”, и к тому, что Франкфуртская школа обозначала как “утопию”. Действительно, *именно в утопии осуществляется смычка философии с ее эпохой* - будь то европейский капитализм или уже греческий полис. И в том и в другом случае благодаря утопии философия становится политикой и доводит до кульминации критику своей эпохи. Утопия неотделима от бесконечного движения: этимологически это слово обозначает абсолютную детерриториализацию, но лишь в той критической точке, где она соединяется с налично-относительной средой, а особенно с подспудными силами этой среды. Словечко утописта Сэмюэля Батлера “Erewhon” означает не только “No-where” (Нигде), но и “Now-here” (здесь-сейчас). Важно разграничивать не столько так называемый утопический и научный социализм, сколько разные типы утопии, одним из которых является революция. В утопии, как и в философии, всегда есть риск реставрации трансцендентности, а порой и надменное утверждение ее, поэтому нужно различать авторитарные утопии, или утопии трансцендентности, и утопии либертарные, революционные, имманентные.

Жиль Делез, Феликс Гваттари
“Что такое философия?”
[перевод С. Зенкина]

Philosophy takes the relative deterritorialization of capital to the absolute; it makes it pass over the plane of immanence as movement of the infinite and sup-presses it as internal limit, turns it back against itself so as to summon forth a new earth, a new people. But in this way it arrives at the nonpropositional form of the concept in which communication, ex-change, consensus, and opinion vanish entirely. It is therefore closer to what Adorno called “negative dialectic” and to what the Frankfurt School called “utopian.” Actually, utopia is what links philosophy with its own epoch. In each case, it is with utopia that philosophy becomes political and takes the criticism of its own time to its highest point. Utopia does not split off from infinite movement: etymologically it stands for absolute deterritorialization but always at the critical point at which it is connected with the present relative milieu, and especially with the forces stifled by this milieu, Erewhon, the word used by Samuel Butler, refers not only to no-where but also to now-here. What matters is not the supposed distinction between utopia and scientific socialism but the different types of utopia, one of them being revolution. In utopia (as in philosophy) there is always the risk of a restoration, and sometimes a proud affirmation, of transcendence, so that we need to distinguish between authoritarian utopias, or utopias of transcendence, and immanent, revolutionary, libertarian utopias.

Gilles Deleuze and Felix Guattari, “What is Philosophy?”

Советский опыт дает уникальный пример того, как интернационализм был извращен и дискредитирован. Концепция построения “социализма в одной стране” редуцировала интернационализм к “верности партийной линии”. В рамках этой доктрины были сформированы представления о производстве искусства “национальном по форме и социалистическим по содержанию”. Современный глобализированный контекст искусства выработал свой – идеологически противоположный – рецепт производства работ, выполненных в интернациональном стиле, но отсылающих к локальным особенностям.

Является ли унификация языка и стиля единственной релевантной возможностью обращения к локальной проблематике? Осталось ли ещё пространство для “творческого непонимания”, непереводаемости, как субъективного, так и локального опыта? Как Вы в своей работе стремитесь выстраивать связь между уникальностью культурного локального контекста и его глобальной значимостью?

Гия Ригвава, Штутгарт-Москва

Интернационализм был извращен, но не дискредитирован. Советский опыт был уникальным и ценным уроком, учащим, как и, что должно быть сделано, а что не должно быть сделано. Что касается искусства, “национального по форме и социалистического по содержанию”, то я не вижу в нем ничего плохого, это была хорошая формула для своего времени и места. ... Я бы сказал, что сегодня мы имеем то же самое. С той разницей, что нет социалистического содержания. Но содержания вообще нет, никакого. Если социалистическая политика пыталась наполнить производство искусства каким-то частным содержанием, то капиталистическая политика опустошает это производство от всякого содержания. Всякое производство значения постоянно прерывается. Мир наполняется индивидами, но присутствие идентификации не терпят. Если бы люди, вместо того, чтобы занимать место, выделенное им в существующем порядке, могли бы желать и желали бы выразить свою интимную самость – “Я тот, кто...” - это подготовило бы иной социальный климат, и изменения были бы более вероятны. Сам я работаю на очень определенной почве – на территории детерриториализованного субъекта. Мой рабочий материал – это мой локализованный опыт, и я верю, что он имеет общую значимость, и что я задаю вопросы, которые можно было бы поставить всюду – везде, где дискурс детерриториализации или близкие ему дискурсы встают на повестку дня. Я “выделяю”, “подчеркиваю” тот опыт, к которому подводит меня моя идентичность. Думаю, что я недалеко от “выделения уникальности локального культурного контекста в его общезначимости”, это неплохая идея, она может работать, если будет проработана. Но вопрос в том, может ли что-нибудь быть проработано на периферии? Там недостает столь многого, что обычно все кончается болезненной фрустрацией.

Елена Петровская, Москва

Непереводаемость – условие коммуникации. Унификация языка и стиля – это, на мой взгляд, большая утопия. То есть, конечно, де-факто складывается некий общий язык, будь то художественный или просто язык международного общения, но это не значит, что отныне все будут говорить на этом универсальном языке. Я думаю, что в идеале событие требует специального языка для своей реконструкции или трансляции. Иначе говоря, событие вызывает к особой идиоматике, и, наверное, другому – представителю другой культуры, другого языка – понять это будет нетрудно. Во всяком случае, не нужно ничего адаптировать “для них”. Нет двух языков – господствующего и языка “малой нации”. Есть круг проблем, о которых исследователь пытается размышлять, которым художник пытается дать свое выражение, и поскольку они не являются сугубо локальными – ну, в самом деле, что такое сугубо локальная проблема? – то интерес к ним обязательно будет проявлен.

Дмитрий Булатов, Калининград

Мой опыт работы в области теории и практики искусства высоких технологий ставит под сомнение рецепт производства работ, выполненных в интернациональном стиле, но отсылающих к локальным особенностям. Подобную рецептуру я бы назвал “павильонным мышлением”, по аналогии с многочисленными big events с предствительством национальных павильонов. Такое павильонное мышление устарело еще в прошлом веке. Опыт ряда международных движений – от Fluxus до International Network Culture – развил интернационализм стиля, это правда, но кто сказал, что уровень технологий остался на прежней отметке? Как раз развитие технологий и унифицирует локальные особенности, делает их акцентирование пустой тратой времени. Приведу пример – еще в начале 90-х годов сетевая культура (как развитый технологический принцип) уделяла внимание локальным особенностям при условии унифицированного интернационального стиля. Но уже десятилетие спустя, социализация технологий следующего поколения – развивающихся на молекулярном уровне – попросту снимает вопрос локальных особенностей за ненужностью... Специфика культурного локального контекста растворяется, если технология становится элементом тела, молекулы, атома и т.д. Технология превращена в inside-элемент сознания и тела, производство искусства отныне представляется на недоступном ранее молекулярном уровне, так какой же мне интерес к нюансам тех или иных локальных особенностей? На мой взгляд, представителям современного искусства чрезвычайно важно осознать, что на сегодняшнем этапе развития технологий (и био в том числе) большинство вопросов, которые еще были актуальны 3-5 лет назад, сегодня не то что “потеряли актуальность”, они вообще исчезли из поля зрения. К таким исчезнувшим дихотомиям-связкам я отношу и соотношение “интернациональный стиль – локальные особенности” как условие производства произведений современного искусства. Другими словами, в результате геномной революции мы снова оказались в условиях, когда “Фауст испуган и содрогается, услышав о Матерях, вокруг которых нет места, один сквозной беспочвенный простор”...

Барт дэ Баэр, Антверпен

Релевантно ли понятие стиля? Есть ли в нем То, к чему мы обращаемся? Обращаемся ли мы к локальной проблематике или к проблематике, которая обладает локальным, но точно так же и интернациональным, и телесным, и человеческим измерениями, измерением случайности, прошлого и будущего? Не интереснее ли мыслить в терминах вероятности, а не творческого непонимания? Творческое непонимание предполагает возможность абсолютного понимания. Не интереснее ли стремиться к относительному пониманию? Весь мой опыт свидетельствует в пользу последнего, а опыт также всегда укоренен в локальном.

Виктор Мазин, Петербург

Непонимание и непереводаемость – то, что можно увидеть не только в рамках так называемых Больших Событий, но и в пределах художественной сцены одного города. Более того, в беспредельных пределах отдельно взятого критика или художника. Кто сказал, что художник или критик понимает всё, что делает. Творческий характер, по-моему, как раз и объясняется постоянной нехваткой, непереводаемостью, непониманием. Вопрос лишь в том, задается ли сам художник или критик этим вопросом. Понимание – всегда заблуждение, нарциссический фантом, стимулируемый масс-медиаальными инструментами дезавтономизации. Я в своей работе не выстраиваю связей. Я работаю с тем, что мне представляется важным, с тем, что меня затрагивает, волнует. Конечно, если речь идет о некоем “заказе” на статью или выставку со стороны, от человека, принадлежащего другой культуре, то важно учитывать адресата, уважать его, но при этом не идти на поводу. Адресат же присутствует всегда. Даже если я пишу некую статью, не знаю, где и когда она будет опубликована, я все равно представляю себе некоего другого, адресата, к которому обращаюсь. Даже если это так называемый “я сам”, все равно важно и проявлять уважение, и не идти на поводу.

The Soviet experience is a unique example of how internationalism was perverted and discredited, as Stalin's projected realization of "socialism in one country" reduced internationalism to the idea of party-loyalty. Among other things, this doctrine also formed the conception of art "national in form, socialist in content". This lies in stark contrast to contemporary art in the age of globalization, which has developed the converse ideological recipe for the art-work, executed in a unified style but referring to the parameters of the local situation.

Is international style the only relevant possibility for addressing the local problematique? Is there any room left for creative misunderstandings, lost in translation, experiences that are both subjective and local? Which experiences have you made in highlighting the uniqueness of a local cultural context as something of general relevance?

Bart de Baer, Antwerp

Is style relevant as a concept? Is there such a thing as "What do we address?" Do we address the local problematique or our problematique, which has local as well as international as well as bodily, past and future, human and accidental dimensions? Isn't it more interesting to think in terms of contingencies rather than in creative misunderstandings? Creative misunderstandings postulate the possibility of absolute understanding. Isn't it more interesting to have an ambition of relative understanding? Any of my experiences did, since experience is always also localized.

Victor Mazin, Petersburg

You can see misunderstanding and loss in translation not only in the context of "big events", but even within the confines of one city's art scene. Furthermore, the same applies within boundless bounds of the individual artist or critic. Who said that the artist or critic knows exactly what he-she is doing? In my opinion, the character of creativity explains itself through the fact that something is always lacking; something is always impossible to translate or to understand. The decisive question is how the artist or the critic approaches the question itself. Understanding is always a misconception, a narcissistic phantom, stimulated by the mass-medial instruments of de-autonomization. In my work, I don't "make connections". I work with people who seem important to me, with people who touch or move me in some way. Of course, we're also talking about a certain "job", an exhibition or an article, "ordered" by some concrete person from the outside, maybe even by someone from another culture. It is important to consider this addressee, respecting him without feeling constrained by a leash. The addressee is actually always present. Even if I am writing an article that I don't know whether or where to publish, I am still addressing some imaginary other. Even if this is none other than "me", it is still important to display respect without being confined to a leash.

Dmitri Bulatov, Kaliningrad

My experience and praxis in the field of hi-tech art calls into doubt the recipe of producing pieces executed in an international style but making reference to local contexts. I would call this "pavilion thinking", in analogy to the many "big event" with their representation through national pavilions. This kind of thinking was already old and lame at the end of the last century. True, the experiences of a number of artistic movements – from Fluxus to International Network Culture – have developed "international styles". But who said that technology is still at the same level it once was? Because the development of technology actually unifies local specifics; by now, it is an empty waste to accentuate these "differences".

For an example, during the early 1990s, net culture (as a developing technological principle) devoted a great deal of attention to local specificity, all in an international style. But now, 10 years later, the socialization of next-generation technologies – developing on a molecular level – simply lifts the question of local differences, rendering it useless. The specificity of a local cultural culture dissolves if technology finally becomes a part of the body on a molecular or atomic level etc. As technology becomes an inside-element of the body and the mind, the artwork can now be imagined on a hitherto unthinkable molecular level. So why should I accentuate the nuances of local difference? In my opinion, the representatives of contemporary art need to realize that we have reached a stage at which the development of technology (including biotechnology) has rendered moot many of the questions that we were asking 3-5 years ago. Today, they have not simply "lost their currency", but have actually disappeared from the field of vision completely. I would say that the dichotomy "international style" vs. "national content" is one of these disappearing questions. In other words, the genome revolution has led to a state of affairs in which "Faust shudders in fear when he hears of Matter, around whom there is no room, only the continuing groundless of space"...

Guia Rigvava, Stuttgart-Moscow

Internationalism was perverted, but not discredited. The Soviet experience was a unique, valuable lesson. It taught us how and what to do, and what not to do. As to for art that is "national in form and socialist in content", I don't see anything wrong with it: it was a good formula for that place and time. Here, language was also already being unified in painting and sculpture, combining the genre basics of early European 19th century modernism with the elements of classicism. The style itself differed depending on national aesthetic preferences. I would say that nowadays we have the same situation. Of course, there is one big difference - there is no socialist content. But then again, there is no content at all. Just as socialist politics were trying to fill the work of art with a particular content, capitalist politics drain artworks of any content. All productions of meaning are constantly aborted. The world is cluttered with individualities, whereas presence is not tolerated as an identity. Here, I don't mean paper-controlled identity, but authentic identity, an identity which has something to say. If people could ultimately tell themselves "I am the one who..." instead of humbly occupying their places in the existing order, it would anticipate a different social climate and we could actually expect something to change.

I myself work on a particular ground – on the territory of a deterritorialized subject. The material I work with is my localized experience. I believe it is generally relevant. What I am doing can be asked anywhere, whenever the discourse of deterritorialization or adjacent discourses are brought into focus. I would say that I am committed to "highlighting" the experiences spotlighted by my identity. I guess I am not too far from the issue of "highlighting the uniqueness of a local cultural context as something of general relevance" which I think is not a wrong idea, it can work when things are done elaborately. But the question is how can any work be done elaborately on the peripheries? There are so many things missing there that unfortunately, usually, one ends up with no more than painful frustration.

Elena Petrovskaya, Moscow

Intranslatability is one of communication's prerequisites. In my opinion, the unification of language and style is little more than a big utopia. Of course, things flow together into some common language de facto, be it in art or in international communication in general. Ideally, "big events" demand a special language for their reconstruction or their translation. To put it differently, "big events" lead to a certain idiom; they also face the other, the representative of another culture, another language. Thus, their idiom will not be too difficult to understand. In any case, it is not necessary to adapt anything "for them". There are no two languages, neither "dominant" nor "marginal". There is, however, a field of problems. The researcher tries to think about these problems, while the artist attempts to express them. Since these problems are not particularly local – is any problem really "local"? – they will certainly be able to generate some form of interest.

Pyotr Bystrov, Moscow

In the final analysis, global significance is constructed by concrete personalities, which interpret and re-transmit their personal taste in the regime and the rhetoric of "socially relevant events. The verdict on the acceptance of projects or programmatic texts is always pronounced on a personal basis, deciding on what to promote, what to launch, and what to leave rotting in marginality. Global significance is a projection, a phantasm of an individual who suffers under the mania of "globalism". Context is never objective. Mass culture produces the fiction of "collectiveness". The unification of language and style is impossible. If someone "understands" you, it is a lie, a game, a construction of meaning. It's always nice to "agree", just as it is also always nice to fuck. Because fucking means that you are loved. But that is a fiction.

Olesya Turkina, Petersburg

Throughout the 1990s, translation was one of the single most important themes that our journal “Cabinet” addressed. What seemed important was not to translate literally, from one language to another, but the problematique of the shift. We have all been witnessing such “shifts” in the spheres of politics, economics, and aesthetic for the last 15 years.

...There is a further aspect of contemporary art that has currently captured my attention to an unusual degree. This is art’s capacity for re-creating a milieu through mimicry. This milieu changes constantly and is unique from place to place, depending on whether you are in New York, Baghdad or Saint-Petersburg. This creates what I hope is yet another productive illusion, namely that relations such “global vs. local” or “master vs. slave” are actually extremely instable. Art does not really need to adjust to the dominant language, not even with the best intentions for mutual understanding.

John Peter Nilsson, Stockholm

The subject today has to map itself. We are learning to understand that we always are global - somewhere. The geography is broken and we have to start to navigate from our own experiences. The vehicle for such journey is not “Who I am”, but rather - “When am I?” The answer will always change depending on the journey. To be an artist or intellectual today is to fight not only for the freedom of expressing him/herself, but also for the context to do so. It doesn’t matter whether the context is local or global as long as you are aware of your own position.

Oleg Kireev, Moscow

As far as the specifics of working with context are concerned, the worldwide movement only needs clear and comprehensive information to know what exactly is going on. I don’t see any way other than speaking to one another extensively and appropriately, telling stories, asking “them” what’s going over “there”, and telling “them” what’s happening here with “us”. By probing and making mistakes, we can come to a mutual understanding that corresponds to the contemporary world’s high level of complexity.

Anatoly Osmolovsky, Moscow

It is extremely schematic to talk about the unification of language and style in contemporary visual art. In the international artistic context, there are at least five or six tendencies. You cannot reduce to these a single style (and if you look more closely, you can discover many more). Of course, “creative misunderstandings” are always a very valuable quality, although international communication hardly values this category at all.

As far as “making connections” is concerned: I have always seen my own praxis in a number of initiatives on the left as something inherently international. It didn’t help this position much to see that the Russian social context was being left behind on history’s roadside during the end of the 20th century. Throughout my creative activities, I have personally encountered a great deal of pressure from the liberals that have taken over many of the key positions in Russia’s cultural context. Finally, their cultural policies have led to utter bankruptcy. In Russia, religious-orthodox reaction is the order of the day.

Dmitri Gutov, Москва

It is decadent “to search for spaces of creative misunderstanding”. Anything in local experience that has no universal meaning automatically disappears.

Victor Misiano, Moscow

The opposition “global vs. local” is a dichotomy of the 1990s. Today we are facing a form of re-sovereignization, a return to the nation state, to confession. Once again, people are turning to the institutions of the nation-state or the institutionalized churches for protection from globalism’s unifying tendency. This is why the dichotomy between the global and the local disappears and is replaced by the dichotomy between the national and the international (!)

Олег Киреев, Москва

...что касается специфики работы с контекстами вообще, то мировому движению нужна только ясная и подробная информация, что происходит. Я не вижу другого способа, кроме как подробно и своевременно говорить, рассказывать, нам – о том, что происходит и обсуждается у них, им – о том, что происходит и обсуждается у нас. Так, путем проб и ошибок, вырабатывается взаимное понимание, соответствующее современному высокому уровню сложности.

Петр Быстров, Москва

Глобальная значимость в конечном итоге удостоверяется конкретными личностями, которые трактуют и ре-транслируют личные предпочтения в режиме и риторике „общественно-значимых“ событий. Вердикт о принятии того или иного проекта, публикации того или иного программного текста (включая предоставление условий его звучания в качестве программного) всегда принимают на личном уровне. Что раскрутить, что запустить, а что – сгнать неизвестно. Глобальная значимость – проекционный фантазм индивида, страдающего манией „всемирности“. Контекст не объективен. Масс-культура производит фикции „коллективности“. Унификация языка и стиля – невозможна. Если тебя поняли – это ложь, это игра по выстраиванию значений. Всегда приятно „договориться“, как и потрахаться. Якобы это означает любовь. Но это фикция.

Джон Петер Нилссон, Стогольм

Субъект сегодня должен заняться картографией себя самого. Мы учимся понимать, что мы всегда – где-то в чем-то – глобальны. География разрушена, и нам необходимо начать ориентироваться заново, исходя из своего собственного опыта. И средство для такого путешествия – не “Кто я есть?”, а “Когда я есть?”. Ответ всегда будет меняться в зависимости от маршрута. Быть художником или интеллектуалом сегодня значит не только бороться за свободу своего самовыражения, но также и за контекст этого самовыражения. В той мере, в какой вы осознаете свое собственное положение, не имеет значения, локальный это контекст или глобальный.

Олеся Туркина, Петербург

Одна из главных тем, которая занимала с начала 1990-х наш журнал “Кабинет” - перевод. Причем, важен не прямой перевод с одного языка на другой, а проблематика возникающего сдвига. Свидетелями этого сдвига, этой принципиальной невозможности “перевода” в политической, экономической, эстетической сфере мы все стали за последние 15 лет. ...Есть еще один аспект современного искусства, который меня сейчас необычайно занимает. Это способность искусства воспроизводить среду, своеобразная мимикрия. Среда постоянно меняется, она уникальна и в Нью-Йорке, и в Багдаде, и Санкт-Петербурге. И это создает еще одну, надеюсь, плодотворную иллюзию, что отношение “локального” и “глобального”, “раба” и “господина” крайне неустойчивы. Искусство не должно приспосабливаться к доминирующему языку, даже с самыми благими намерениями взаимопонимания.

Анатолий Осмоловский, Москва

Заявления относительно унификации языка и стиля в изобразительном искусстве чрезвычайно схематичны. В международном художественном контексте существует по крайней мере пять-шесть тенденций не сводимых к единому стилю (если же смотреть более пристально то можно выделить значительно больше). „Творческое непонимание“ безусловно очень ценное качество, к сожалению в интернациональной коммуникации это качество почти не ценится.

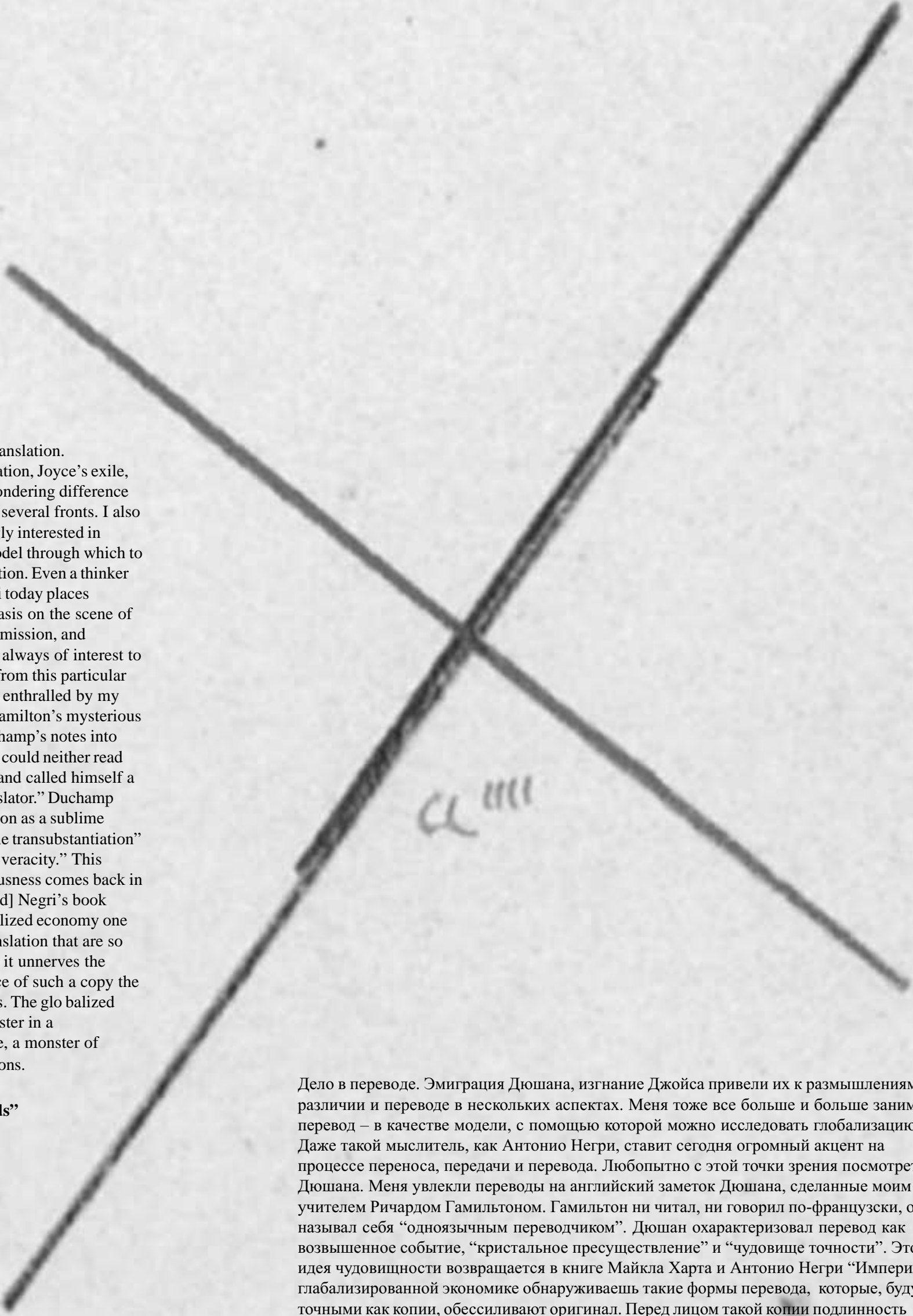
Относительно выстраивания связей. Я всегда рассматривал собственную практику в ряду различных международных левых инициатив. Социальный контекст России оказавшейся на обочине исторического развития в конце XX века, конечно, не благоприятствовал этой позиции. На протяжении всей своей творческой активности я лично встречался по большей части с гигантским давлением российских либералов захвативших основные позиции в культурном контексте России. Их культурная политика в данный момент закончилась полным банкротством. На повестке дня в России стоит уже религиозная православная реакция.

Дмитрий Гутков, Москва

Стремление к пространству “творческого непонимания” - декадентство. Все, что в локальном опыте не имеет универсального значения исчезнет само собой.

Виктор Мизиано, Москва

Противостояние глобального и локального – это дихотомия 90-х. Сегодня мы имеем дело с ре-суверенизацией, с возвращением национального и конфессионального. Люди вновь обращаются к институтам национального государства и институционализированной церкви, так как видят в них единственную защиту от унификации глобализации. А потому дихотомия локального и глобального, сменяется сегодня дихотомией национального и – как раз (!) - интернационального.

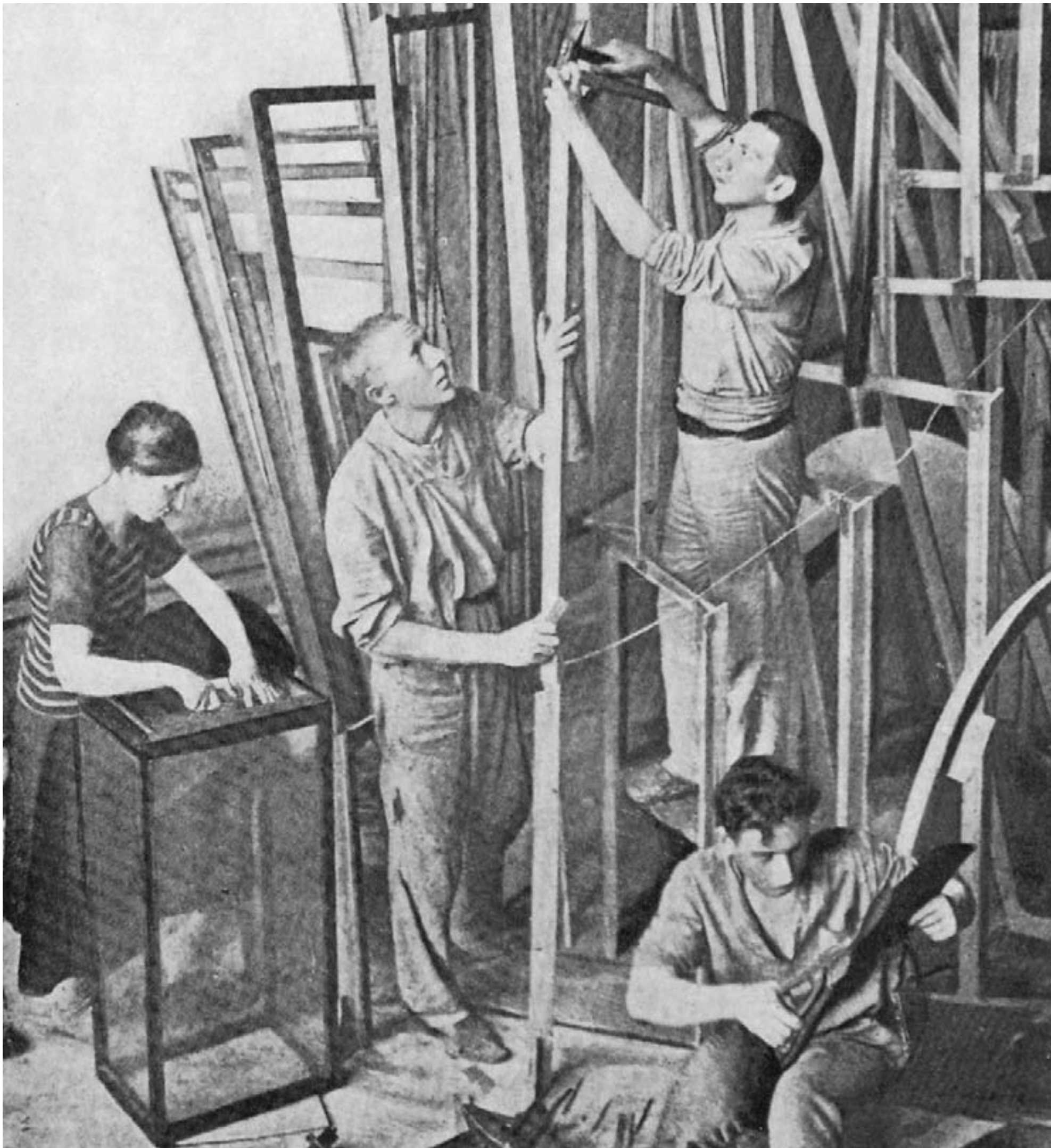

It has to do with translation. Duchamp's emigration, Joyce's exile, threw them into pondering difference and translation on several fronts. I also became increasingly interested in translation as a model through which to examine globalization. Even a thinker like Antonio Negri today places tremendous emphasis on the scene of transference, transmission, and translation. It was always of interest to look at Duchamp from this particular perspective. I was enthralled by my teacher Richard Hamilton's mysterious translation of Duchamp's notes into English. Hamilton could neither read nor speak French and called himself a "monolingual translator." Duchamp hailed the translation as a sublime event, a "crystalline transubstantiation" and a "monster of veracity." This notion of monstrosity comes back in [Michael Hardt and] Negri's book Empire. In a globalized economy one finds forms of translation that are so true as copies that it unnerves the original. In the face of such a copy the authentic dissolves. The globalized economy is a monster in a Duchampian sense, a monster of ultrarapid translations.

Sarat Maharaj,
"In other's words"

Дело в переводе. Эмиграция Дюшана, изгнание Джойса привели их к размышлениям о различии и переводе в нескольких аспектах. Меня тоже все больше и больше занимает перевод – в качестве модели, с помощью которой можно исследовать глобализацию. Даже такой мыслитель, как Антонио Негри, ставит сегодня огромный акцент на процессе переноса, передачи и перевода. Любопытно с этой точки зрения посмотреть на Дюшана. Меня увлекли переводы на английский заметок Дюшана, сделанные моим учителем Ричардом Гамильтоном. Гамильтон ни читал, ни говорил по-французски, он называл себя "одноязычным переводчиком". Дюшан охарактеризовал перевод как возвышенное событие, "кристальное пресуществление" и "чудовище точности". Это идея чудовищности возвращается в книге Майкла Харта и Антонио Негри "Империя". В глобализированной экономике обнаруживаешь такие формы перевода, которые, будучи точными как копии, обесценивают оригинал. Перед лицом такой копии подлинность исчезает. Глобализированная экономика – это чудовище в смысле Дюшана, чудовище сверхскоростных переводов.

Сарат Махарадж, "Словами других"

Публикация №4 - Идея и реализация: рабочая группа **“Что делать?”** | publication №4 - idea and realisation: workgroup **“What is to be done?”**

Издание было осуществлено при поддержке | This publication was realized with the generous financial support of the **Stifterverband fuer die deutsche Wissenschaft**

Выражаем глубокую признательность всем авторам откликнувшимся на на наши вопросы | We would like to express our heartfelt thanks to all authors for answering our questions with so much energy and engagement.

Полные версии ответов опубликованы на сайте | Full versions of the answers are available on our web site www.chtodelat.org

Редакторы | editors: Давид Рифф и Дмитрий Виленский | David Riff and Dmitry Vilensky
Графика | Artwork and Layout: Дмитрий Виленский и Цапля | Dmitry Vilensky and Tsaplya
Комикс | Comics: : Николай Олейников | Nikolai Oleinikov

Состав рабочей группы “Что делать?” ///
The members of the workgroup “Chto delat?” includes:
Дмитрий Виленский | Dmitry Vilensky
Глюкля (Наталья Першина) | Gluklya /Natalya Pershina/
Артём Магун | Artem Magun
Николай Олейников | Nikolay Oleynikov
Давид Рифф | David Riff
Александр Скидан | Alexander Skidan
Цапля (Ольга Егорова) | Tsaplya /Olga Egorova/

В оформлении использованы работы |The publication is illustrated by the artworks of
Вл. Татлин | Vl. Tatlin /// А. Родченко | A. Rodchenko // И. Чашник | I. Chashnik /// К. Вялов | K. Vylov // К. Иогансон | K. Ioganson

Перевод | Translations:
Давид Рифф | David Riff: Russian-English
Александр Скидан и Артём Магун | Alexander Skidan and Artem Magun: English - Russian

Благодарим за поддержку и сотрудничество | Many thanks to:
Карл Аймермахер | Karl Eimermacher // Оксана Тимофеева | Oxana Timopheeva /// Виктор Мизиано | Victor Misiano /// Андрей Ерофеев | Andrey Erofeev /// Тим Дойсон | Tim Deussen

contact: info@chtodelat.org /// dvil@surfeu.de

1. Насколько важно в сегодняшней ситуации заново апеллировать к коммунистическим истокам глобализации?

[How important is it to appeal to the Communist roots of globalization today?]

2. Какие возможности вы видите для дальнейшей демократизации мира искусства, которая бы смогла подорвать устоявшиеся рамки эксклюзивности глобальной репрезентации?

[Which chances do you see for the ongoing democratization of art? Is it possible to break out of the framework of market hierarchy and exclusive global representation?]

3. Необходима ли сегодня приостановка конвейера глобальных событий и акцент на интернационалистской работе на местах?

[How important is it today to stop the conveyors of big events, opting instead for internationalist work on location?]

4. Насколько вам кажется важным опыт этих новых интернациональных сообществ, легитимированных глобальной поп-культурной? Насколько они оказывают давление на развитие искусства?

[In how far is the experience of new local communities that draw their linguistic legitimacy from global pop-culture? In how far do they influence the development of contemporary art?]

5. Является ли унификация языка и стиля единственной релевантной возможностью обращения к локальной проблематике? Осталось ли ещё пространство для “творческого непонимания”, непереводаемости, как субъективного, так и локального опыта? Как Вы в своей работе стремитесь выстраивать связь между уникальностью культурного локального контекста и его глобальной значимостью?

[Is international style the only relevant possibility for addressing the local problematique? Is there any room left for creative misunderstandings, lost in translation, experiences that are both subjective and local? Which experiences have you made in highlighting the uniqueness of a local cultural context as something of general relevance?]